

Обзор книги С.В. Лурье
«IMPERIUM. Империя – ценностный и этнопсихологический подход»
(К десятилетию ее выхода в печать)

Эта книга была издана дважды приблизительно в одно время, в 2012 году. В некоем «самиздательстве» с пышным названием «Palmarium academic publishing» она вышла под названием «Империя как судьба. Имперская идеология и практика: этнопсихологический подход», а в более солидном «АИРО-XXI» – как «IMPERIUM Империя – ценностный и этнопсихологический подход». В целом по содержанию обе они схожие, но различия есть в нюансах и выводах. Не знаю, насколько возможно эти книги сегодня найти и приобрести, но книга доступна на авторском сайте – <http://svlourie.ru/Empire-like-destiny> – в word-формате в редакции, близкой к АИРО-ской. В минувшем году – 2021-ом – автор книги Светлана Владимировна ЛУРЬЕ (Смирнова) безвременно скончалась, не завершив свой главный труд уже как православного культуролога, не дождавшись издания еще одной сильно переработанной книги «Ереванская цивилизация» – как этнокультуролога – уже в 3-й редакции (ее во 2-й редакции тоже можно найти на сайте автора). Правда, работая исключительно интенсивно, несмотря на нездоровье свое и супруга, она успела подготовить к печати ряд статей в тематические журналы и для альманаха «Тетрадей по консерватизму», опубликованные в основном уже после ее кончины. Несмотря на, казалось бы, разностороннюю направленность этих публикаций и книг, их роднит синтетический подход и анализ многогранного ученого и православного человека. И самое удивительное, что актуальность их несколько не уменьшилась, а необходимость обратить на них внимание не только академического, но широкого круга читателей остается настоящей, если не больше. Приглашаю внимательнее просмотреть и понять, о чем писала Светлана Лурье десять лет назад, что нашло место в ее книге IMPERIUM и как это созвучно сегодняшней нашей российской проблематике.

В самом начале, ставя вопрос, почему одни народы создают империи, а другие нет, автор приводит главные признаки имперского народа.

Во-первых, это чувство, с которым народ жаждет создать, образовать вокруг себя империю, его интенсивность и, главное, готовность народа идти на довольно жесткие самоограничения ради встраивания себя в идеальный образ имперского народа.

Второй признак имперскости народа заключается в содержании мессианской идеи. Это будет становиться все более очевидным, по мере чтения и усвоения материала книги. Подчеркивается, что мессианство это должно быть в принципе приемлемым для других народов, подпадающих под имперское такое образование. В противном случае, возникает империоподобное, а то и империалистическое по истмату, экономико-политическое образование, но не империя в полном истинном смысле этого слова. За имперским народом непременно и неизбежно стоит обязанность и умение транслировать свою правду другим народам.

За этими двумя **культурологическими признаками** имперскости народа выстраиваются и **этнопсихологические особенности** народа, присущие далеко не любому или любимому. Имперский народ должен обладать повышенной способностью к взаимодействию с другими народами, что является следствием наличия у имперского народа развитого **культурного сценария межэтнических взаимодействий**. Внешне это проявляется как инстинкт, позволяющий вести себя с представителями других этносов так, чтобы ненавязчиво привить им определенные культурные черты. Исторический опыт показывает, что такой инстинкт с веками может, увы, утрачиваться. В этом инстинкте, теплится **третий признак** имперскости народа.

Следующий признак – тоже этнопсихологический – это способность к колонизации, то есть способность обживать на новых местах, в местах, вне своего исторически компактного проживания. И колонизация эта не на штыках зиждется, а на городах и селениях. Именно народные поселения становятся форпостами империи.

И наконец, **пятый признак**, – умение выносить и преодолевать те внутренние противоречия, которые неизбежно несет в себе империя как всякий живой и сложный организм. Здесь требуется налаженный мощный **механизм отреагирования конфликтности**.

Эти три этнопсихологические посылки и первые две культурологические образуют пять признаков имперскости народа.

***

Об империях написано немало литературы: художественной, исторической, научной, популярной, научно-популярной. Немало империи показаны в изобразительном искусстве, от полотен до фильмов в самых разных жанрах. Но вот, похоже, мало кто правильно воспринимает, интерпретирует, различает по главным признакам эти империи. С империями, как и с культурой – вроде как все понятно, и все всё в целом и общем знают и правильно понимают. Но прочитав книгу «IMPERIUM...» Светланы Лурье, непременно поймем, что все не так очевидно и ясно. Империи совсем не в прошлом, они как государственные образования универсальны и даже совершенны. Интересно, что книга начинается диалогом с... ребенком, шестилетней дочерью автора, много лет тому назад: «...в ответ на вопрос, как расширялась Российская империя: **“Завоевывались не народы, завоевывались куски земли, а народы в них просто попадались”**. До этого мы с Катей на эту тему не говорили – мала еще, и ничего подобного услышать она не могла». Потом маленькая Катя на листке бумаги нарисовала сам процесс «завоевывания». «На листке бумаги появился небольшой кружок, должный обозначать сердцевину империи. От него пошли в разные стороны полукружия, которые Катя назвала “чешуйками”. Это и были те самые “куски земли”. Картина получилась довольно близкая к действительности и легла позднее в основание моего объяснения принципов русской крестьянской колонизации», – поясняет рисунок ребенка мама-культуролог. Далее еще интереснее: «Я спросила: “А для народов, которые живут на этих землях, это хорошо?” “Хорошо, – безапелляционно ответила Катя. “А справедливо?” – “Справедливо, – успокоила она. – **Не хотели бы, воевали бы лучше”** ... “Для чего их включают в империю?” – “Для того, чтобы их страна была такой же большой, как наша, и чтобы их развитие включалось в наше развитие, а наше – в их”. Именно так она и сказала в свои шесть лет. “А то, что Союз распался, это хорошо?” “Нет. Надо было отпустить только тех, кто этого на самом деле действительно хотел. А действительно этого хотела только Литва”. Тогда я восприняла Литву как собирательное название Прибалтики, однако, в действительности, Литва, имеющая опыт собственной антагонистической России государственности, действительно стояла особняком. “А тебе что, понравилось бы, если бы тебя завоевали?» – “А я об этом никогда не думала”, – отмахнулась она».

Отметим и запомним. Шестилетний ребенок на рубеже 1980-х и 1990-х годов, видимо, слушая бурные дискуссии взрослых с родителями (время-то поздней «перестройки» и начавшегося развала СССР, а родители были активными участниками тех движений, начиная с защиты «Аглетера» и кончая клубом «Перестройка» с рывком тогда Чубайсом и пр. молодыми тогда экономистами), **своим детским непосредственным восприятием укладывал в свою головку определенным образом** всю эту совсем недетскую информацию, даже Литву запомнила (помните Вильнюс?).

Потом следует еще один интересный эксперимент с ребенком. Катю мама просит нарисовать карту – ни много, ни мало! – империи. Ребенок, взглянув на большую карту мира, прикрепленную к стене (мама уже тогда геополитикой занималась!) начертил на листе контуры, сходные с СССР, **ничтоже сумняшеся прихватив все Черное море с проливами и Ближний Восток с выходами к морям Индийского океана!** Запомним и это. Но заметим, что спустя год подросшая Катя ничего не помнила из этого. Зато мама запомнила и подвела такую вот сермяжную правду под обоснование Российской империи: «Целостный образ вещей спонтанным образом доступен детям. Мы же, взрослые, можем подойти к нему только постепенно». Вот и мы запомнили и подошли вплотную к увлекательному и захватывающему повествованию об империях и их судьбах!

***

С самого начала нам заявляют, что апологии империи не будет, но есть исходная посылка, что империя – это благо! Признаюсь, для меня было поначалу неожиданно такое прочитать, поскольку мне, как и людям моего поколения, рожденным после Отечественной войны, столько нехорошего было преподнесено про империи, империализм, национализм, прочий загнивающий капитализм, что эта посылка показалась невозможной. Но при этом заявлено, что феномен империи будет рассматриваться с культурологической стороны, да еще с убежденностью, что в империи – наше будущее. Автор не скрывает своей православной веры, понимает становление России как православной империи. И в книге показывается, что отступление от идеологии православия, а в советский период уничтожение православия и других религий с позиций воинственного атеизма окончательно разрушило и новоимперское образование, каким был СССР. Вот уже

более 30-ти лет на территории бывшей Российской империи, образовались национальные государства со своими титульными нациями и... Российская Федерация – многонациональное государство с российским народом, где за русскими только недавно в конституции была-таки закреплена их государствообразующая роль. Череда событий, во многом трагических, на всем пространстве Российской империи после распада СССР показала еще более наглядно, насколько далеки от истины наши представления о таких государственных формах, как независимое национальное государство, федерация или империя, российскую форму которой так усердно разрушали и преобразовывали большевики, потом коммунисты, теперь вот то ли демократы, то ли либералы, то ли еще какие глобалисты-трансгуманисты. Если понимать государство как политическую форму организации культуры этноса (этносов), то становится более очевидным и оправданным культурологический подход в истории государств.

Итак, автор пытается раскрыть нам логику образования империи. И с самого начала обращает внимание на **центральный принцип империи**: «С нами Бог, разумеете языцы, и покаряйтеся: яко с нами Бог». (Между прочим, и во времена языческой Римской империи во главе понтифика встал император Октавиан Август.) Каким должен быть имперский народ мы уже определили. Импульс империи задает вот такой народ. Он включает в свой жизненный, государственный круг другие народы, иногда с их согласия, а когда вопреки их воли. Имперская иерархия строится на всепроникновении этого принципа. По мере того, как империя набирает силы, эта иерархия трансформируется в наднациональную, и в этом состоит одна из целей имперского строительства! Государственные сановники из «инородцев» могут сохранять или не сохранять свою «этничность» – культурные и поведенческие особенности. Это, собственно, не важно. **Гражданством империи национальность как бы превосходится**. В последние десятилетия в разнообразной «патриотической» прессе России развернулась бурная дискуссия о русской национальной доктрине, на что с немалой долей сарказма реагирует автор: «... наш русский национализм – не национализм, а карикатура на него! ... Все рожаем “не мышонка, не лягушку, а неведому зверушку”... Мы сформировались как имперский народ и поделаться с этим ничего невозможно, а главное – не нужно».

Далее, обозначая главные теоретические основы работы, выделяются два вида империализма: **миссионерский** и **коммерческий**. Но ни российская империя, ни империи западно-европейских стран XIX века не представляли собой в чистом виде тот или другой в территориальной экспансии, которая может быть **культурно-детерминированной** или **прагматически-детерминированной**. При первой экспансии мы наблюдаем **имперское действие**, а вторая характеризуется **империалистическим действием**. Вот автор четче и обозначил различие между имперскостью и пресловутым империализмом, замечая: «... было бы правильнее относить слово “империя” к результату не прагматически-детерминированной, а культурно-детерминированной экспансии. ... провести четкую грань между “результатом имперской экспансии” и “результатом империалистической экспансии” невозможно, как потому что идеальные мотивы экспансии в жизни часто переплетаются с экономическими, так и потому что экспансия, внешне представляющаяся сугубо прагматически-детерминированной, может иметь на самом деле глубокие идеально-культурные корни (Британская экспансии в XIX веке – примечательный пример подобной смешанной экспансии). Определяя операциональным образом **имперское** действие как культурно-детерминированное (в отличие от прагматически-детерминированного **империалистического** действия) я выделяю две несводимые одна к другой составляющие культурной экспансии». Первая из них определяет механизм освоения народом новой территории, который выражается, прежде всего, в специфической для каждого этноса **модели народной колонизации**. Она вытекает из «этнопсихологической конституции» народа, то есть **психологически комфортного для народа того или иного способа действия**. Вторая составляющая следует из определенного выше **центрального принципа империи**, той идеальной сущности, которая лежит в основании данной государственной общности и может быть истолкована как **ценностная максима** – представление о **должном состоянии мира**. Центральный принцип империи всегда, имея религиозное происхождение, требует от имперского народа имперского же действия, а именно: определенного насилия над самим собой, **подавления собственных непосредственных национальных импульсов**. Бывает, что этот принцип вступает в противоречие с механизмом народной колонизации и не имеет законченного эксплицитного выражения, а лишь фрагментарное и ситуативное. Наконец, он в принципе нереализуем во всей полноте.

В книге далее будут сравниваться два, условно противоположных вида имперской экспансии – российская и британская. И речь пойдет исключительно об имперском действии. (Экономические вопросы формирования империи не будут разбираться – это отдельная большая тема. Иными словами, во главу угла исследования в данной книге поставлены социокультурный и этнопсихологический подходы, а не политэкономический или политстратегический, присущий, как правило, злобе дня текущего. Хотя вольно или невольно читатель неизбежно будет сопоставлять настоящее положение вещей в России и мире с сутью

вычитываемого в этой культурологической книге про империи в прошлом и их настоящем.) Чтобы понять ценностное основание той или иной империи, необходимо обратиться к ее зарождению, к той ценностной доминанте, которая дала ей импульс к образованию. Хотя в процессе исторического развития те или иные международные **«культурные доминанты»** фатальным образом разрушают логику имперского строительства, дух империи занимает свое особенное место в традиции народа, существует в нем как «вещь в себе».

***

Немаловажно, что автор замечает существенное различие в подходах к проблематике империи в отечественной и зарубежной литературе, различие, не лишенное глубинной подоплеки, которая сама имеет не теоретико-идеологическое происхождение, а этнопсихологическое. Отечественные авторы отталкиваются от представления о некоей ценностно обоснованной общеимперской нормы, имеющей определенную онтологическую базу вне зависимости от того, каким образом различные исследователи понимают эту норму и как к ней относятся. Западные же авторы как-то субъективно-психологически рассматривают моменты имперского строительства, обращая немалое внимание на проблемы восприятия, мотивации, особенности межэтнических контактов. Да и фундаментом научных исследований, отечественных и зарубежных, является также собственный имперский опыт (или память о нем), а он у разных народов не одинаков. Отсюда и существенные различия не только в выводах, но и в восприятии действительности сегодня, что сильно затрудняет межгосударственные контакты между Западом и Россией.

На Западе сложились понятия и особенности в восприятии мира, которые позволили принять идею покорения удаленных народов для их подчинения интересам метрополии. Да и основа имперской власти зиждется, ни много ни мало, на ментальной установке колониста, не без расистских оттенков. Исследования имперских завоеваний сосредотачивается на двух главных моментах, это – «колониальная ситуация» и корреляция культурной традиции имперского народа с государственной имперской программой. На Западе не без некоторого удивления обнаружили, что население колоний приняло определенные детали Западной цивилизации, но отвергло ее как целое. Вместе с тем, поведение европейцев в огромной мере определялось не их сознательно установленными целями, а логикой контактной ситуации, и в итоге колонисты делали не то, что изначально собирались делать. Да и колониальную ситуацию они определяют как «ситуацию взаимного непонимания», причиной которого следует признать «различие личностной структуры тех и других». Отсюда делается вывод, что два народа, колонисты и туземцы, находятся на разных стадиях цивилизации. И вообще, колониальная ситуация рассматривается априорно без взаимного понимания.

Взаимодействия колонизаторов и колонизируемых как бы предзаданы и мало зависят от того, что желают ее субъекты. Европейец, обосновавшийся на колонизируемой территории, не может оставаться просто колонистом, проживающим в среде какого-либо народа, как бы он к этому ни стремился. Он воспринимается как привилегированная персона. С момента своего поселения в колонии или с момента своего рождения он оказывается в ситуации, превращающую его в колонизатора. С таким же подходом западные ученые исследуют «колониальную ситуацию» и в Российской империи. И тут они тоже находят разногласия: каждое общество видит в другом отражение себя со своими собственными политическими ценностями и понятиями, что и ведет к фундаментальному непониманию и нереалистическим ожиданиям с обеих сторон. Европейцы, видя себя исключительно цивилизаторами туземных народов, выработали себе комплекс «ориентализма», который в европоцентристской доминанте поставил между Западом и Востоком невидимую стену, делая изначально невозможным адекватное взаимопонимание. Европейцы, находясь внутри своей культурной традиции, породили «новый империализм» конца XIX – начала XX века с его мифологемой модернизации. Так полагают, что британское владычество было выработано и отрефлектировано в английской новелле. Географические культурные разграничения между Западом и незападной периферией воспринимались настолько остро, что представление о разделении человеческого рода на управляемых и управляющих легло в основание европейского империализма. Хотя подготовка к строительству империи совершается внутри культуры, с чем трудно не согласиться, однако империи европейских стран сложились гораздо раньше, чем идеология империализма. В Британской Индии идеология империи формировалась параллельно жанру английской новеллы, что могло, конечно, повлиять на эксплицитное проявление идеологии, но не на само имперское строительство. Систематизированная империалистическая идеология складывается постфактум, а ее взлет в реальности совпал с упадком империи.

В российской науке традиции исследования проблем империи сложились иначе. Если для Запада империя – это продукт особого взаимодействия между силами и институтами метрополии и периферии, то для России это сложноорганизованная универсальная система, способная оказывать уравнивающее воздействие на внутренние противоречия людской природы и функционально использовать их. Российская империя часто не столько давит на личность, сколько возносит самого ничтожнейшего из своих подданных на обыденно недостижимую для него онтологическую высоту. Как бы ни возмущались сегодня националисты всех ее окраин, ставших «суверенными государствами», это так и было в целом. А в СССР этот принцип был только гипертрофированно развит. Такой подход неизбежно ведет к выработке иного, отличного от распространенного в западной научной литературе, взгляда на характер и мотивацию имперского строительства.

Существенно особенной характеристикой империи в России оказывается не внешняя экспансия, как то видят все без исключения западные исследователи (да не всякая экспансия приводит к созданию империи). Империя в России создается отношением между ценностями локальных, этнических, конфессиональных и тому подобных групп и тем единым «пространством нормы», куда интегрируются все эти группы, утрачивая, как правило, свой суверенитет. В основе интеграции лежит наличие единой силы, единой власти, образующей это «пространство нормы». В России говорят о нравственных правовых постулатах как обязательной социальной норме, вносимой в общественное бытие покоряемых народов. И они прямым образом соотносятся со «спасением душ», а имперское пространство соположено с внешней мудростью разумного управления и жизнеустройством как «вселенское мироуправство».

Однако, западный и российский подходы не исключают друг друга, напротив, они взаимодополнительны. Но в поле зрения русских исследователей попадает, прежде всего, **культурно-детерминированный** тип экспансии, а в поле зрения западных – **прагматически-детерминированный**. Иными словами, мы наблюдаем **миссионерский и коммерческий** империализм. При этом, в силу некоторых факторов, непосредственно связанных со спецификой самой основополагающей мифологемы Британской империи, религиозная подоплека британского имперского строительства менее выражена, чем у российского. Большая онтологичность, характерная для российского феномена империи, объясняется тем, что чисто экономические обоснования российского имперского строительства выглядят откровенной натяжкой, а религиозные корни, в частности, непосредственное заимствование у Византии идеи Православной империи, – слишком очевидны. Да, и Российская империя на протяжении всей своей истории подвергалась внешним культурным влияниям, которые в какой-то мере определяли структуру русской государственности, в большей мере, чем Британская. Россия в большей степени была преемницей Золотой Орды, а не Киевской Руси. А с XVIII века Россия оказалась под значительным влиянием Запада. Византийская идея сменялась славянской, трактуемой в категориях европейской культуры. После выдвигается европейская модель империи. И хотя анализ исторического материала показывает, что на протяжении всей истории Российской империи византийская доминанта имплицитным образом играла решающую роль в ее формировании, нельзя сбрасывать со счетов и влияние того, что может быть названо «**культурными доминантами эпохи**».

Методологии изучения феномена империи меняются, предпринимаются попытки разработки теории империи. Сегодня популярны такие подходы, как анализ «**имперской ситуации**» и «**имперской истории**». Изучение «имперских историй» помогает пониманию того, что имперский опыт обогащает варианты управления разнообразием, способствует лучшему пониманию текущих событий. А конфликты между концессиями и культурами, сословиями и классами были присущи всем имперским режимам, особенно, и России. Эмпирические исследования империй, позволяют делать важные обобщения, создают методологические основания для анализа комплексных, композитивных и неравномерно организованных обществ, чем, собственно, и являются империи. «Имперская ситуация» характеризуется сосуществованием нескольких альтернативных социальных иерархий, с неопределенным или множественным «курсом взаимной конвертации». Новая «имперская история» – это не история как таковая, не совокупная историческая эмпирика сама по себе, это метод описания исторической реальности принципиально гетерогенного, полиэтнического и мультикультурного общества современной империи. Очевидно, что игнорирование «нации» сегодня делает анализ одномерным, а игнорирование «имперскости» может вдруг проявиться в самом неожиданном месте. **Нация – это относительно гомогенное пространство** универсальных прав, обязанностей, культуры и языка. **Империя – это принципиально гетерогенное пространство**. Реальность всегда находится между этими двумя полюсами, но ближе к одному или другому, и игнорирование этой оппозиции не позволяет понимать и описывать историческую динамику ей адекватно.

Отмеченный подход позволяет разрабатывать «теорию империи» – «империологию». Новая имперская история – это попытка рассматривать прошлое как открытую динамическую систему в состоянии неустойчивого равновесия, с пониманием, что империя – это принципиально гетерогенное пространство. Новая имперская история, воплощая археологию знания об империи, позволяет четко увидеть, как происходит государственная апроприация общего прошлого в полиэтнических регионах и городах. Именно археология знания об империи позволяет восстановить «палимпсест» социальных идентичностей (региональных, конфессиональных, сословных), которые обычно встраиваются в парадигму строительства нации или класса/конфессии. Она же делает возможной контекстуализацию современного процесса конструирования национального (государственного) прошлого, его историографию как целенаправленное действие и инструмент сегодняшней политической борьбы.

В исторических исследованиях «по-старому» феномена конкретной империи и кажущаяся самоочевидной описательная функция категории «империя» всегда мешали обобщению и теоретическому осмыслению «имперских формаций». Сегодня уже можно встретить **критический анализ феномена империи через «когнитивный поворот» к империи** как категории анализа и контекстообразующей системе языков самоописания имперского опыта. Этот «когнитивный поворот» в осмыслении империи созвучен «когнитивному повороту» в области исследований национализма. Сегодня предлагается сосредоточиться на имперском опыте, то есть реальном или семантически сконструированном столкновении с различиями, и на тех аспектах неравенства и дисбаланса власти, с которым это столкновение обычно связано. Ричард Уортман предложил новый взгляд – **«отстраненный»** – на понимание роли империи и имперского суверенитета в российской истории. Ранее образ имперской власти, основанный на эпосе и «риторической правде», оказался плохо совместимым с миром современной рациональности, идеологии и политики. Он предложил более динамическую модель конструирования и маркирования имперского опыта. «Имперская ситуация» в этом случае, характеризуется напряженностью, несочетаемостью и несоразмерностью языков самоописания разных исторических акторов, но дает более точное выявление исторически сложившегося разнообразия как главной характеристики имперской ситуации. Это **разнообразие оказывается неравномерно локализованным, многоуровневым и динамичным.**

В новейших исследованиях отмечается, что Российская империя отличалась от империй других европейских государств XIX – начала XX веков по трем основным параметрам:

- 1) периферии других империи (за исключением Австрийской) в большинстве случаев состояли из земель и народов, удаленных от соответствующих метрополий на тысячи морских миль; территория же Российской империи, напротив, непрерывна (если не считать краткосрочное обладание аванпостами на побережье Аляски и Калифорнии);
- 2) за исключением, опять-таки, будущих самоуправляющихся доминионов Британской империи, остальные европейские державы рассматривали свои имперские владения как неассимилируемые зависимые территории, пригодные лишь для эксплуатации и «патерналистского» наставления на путь «цивилизации»; Россия, напротив, рассматривала свои владения, за возможным исключением Туркестана, как расширение метрополии, как составную часть сообщества, открытую там, где это было возможно, для постоянного поселения русских;
- 3) в других империях подвластными землями и народами управляло государство-нация, империя Романовых, подобно Габсбургской, представляла собой политику более старого типа – династическое государство, характеризующееся подчиненностью всех одному правителю (в каждом из этих случаев правитель принадлежал к династии, связанной с одной из территорий, находящихся под его скипетром – это австрийские герцогства в случае Габсбургов, и Московское княжество в его границах XVI века в случае Романовых, эта ситуация ничего общего не имела с властью государства над зависимыми территориями).

Российская империя походила на классическую империю, известную истории тем, что она состояла из смежных владений и ставила перед собой цель поглощения или интеграции своих периферий, а также по своей династической природе. Европейские же колониальные империи Нового времени отклонялись от нормы, а вовсе не Россия. До пришествия национализма государство определялось исходя не из населения, а земли или земель, подвластных одному правителю или правящей группе. Подобно России XIX века Англия и Франция периода Средневековья и раннего Нового времени включали в себя земли с разным историческим прошлым (хотя и в рамках одного западно-христианского общества), населенные разными этническими группами. Несмотря на то, что Англия и Франция были империями в любом значении этого слова, они уже начали эволюционировать в архетипические европейские национальные государства. И современные государства-нации – это бывшие империи, которые преуспели в деле сплочения разных народностей в одну нацию.

Новое понимание феномена империи формировалось историческими нарративами, прототипами великих империй прошлого, каждая из которых, проживая свою уникальную историю, влияла на развитие других имперских формаций. Особенное влияние оказали сюжеты возникновения и распространения наследия классических империй древности. Так Римская империя стала архетипической для современного исторического воображения. Империи Нового времени рассматриваются как новые формы организации пространства и гегемонии, возникшие после Вестфальского мира и Французской революции. Они основаны на неформальном колониальном господстве, коммерческих связях и современных технологиях. Этот тип империи оказывается вполне совместимым и даже взаимосвязанным с идеей суверенного национального государства, распространяющего военное и экономическое влияние за пределы своих границ.

При традиционном подходе империи обладают заранее предрешенными, как правило, негативными качествами, что не позволяет разглядеть специфику имперских действий и имперской логики. При новом подходе взгляд на империю нейтрален, он открыт для изучения самых разных аспектов имперского строительства и имперской практики и позволяет делать совершенно новые выводы об империи как о политико-культурном феномене. **Новый подход утверждает, что имперская ситуация могла и может сложиться в разное время и во многих регионах мира. Империи не только наше прошлое. Империя может быть и нашим настоящим, и нашим будущим.**

***

При сравнении Римской, Византийской и Российской империй прослеживается преемственность центрального принципа империи, его изменения и развитие в процессе *Translatio Imperii*. Это позволяет лучше понять идеальные (и идеологические) основания становления Российской империи. Рассматривается также Британская империя во взаимодействии с Российской в пограничных ситуациях.

Римская империя выделяется своим универсализмом. Она претендовала на то, чтобы быть не просто государством, а государством вселенским, государством единственным во вселенной, совпадающим по своим масштабам со всем цивилизованным миром. Римская империя мыслила себя не как государство, а как все цивилизованное и политически организованное человечество. Все, что оставалось за ее пределами, было варварским. Римская империя до сего дня сохраняется не воспоминанием о политическом образовании, замечательным по своим размерам, подобно империи Александра Македонского, а идеей о том, что пребывание людей, разделенными на множество групп, не нормально. Истинная организация одна, и она есть Римская империя. Да и Рим не представлял себя государством в современном понимании, как одно из государств вокруг. (Поначалу их, собственно, и не было.) Хотя сочетание универсализма с изоляционизмом и сакрализацией общественно-государственной жизни было свойственно и другим имперским традициям, таким как Древний Египет, Персия, Древний Китай, специфика реализации имперского принципа отличали и выделяли Римскую империю от всех предшествовавших и современных ей империй. Она была многоэтнической, но этнические различия в ней не имели никакого политического значения. Политический порядок парил над этническими различиями, подобно тому, как сегодня цивилизация парит над национальными границами. Римская империя дала идеальную модель формы для империи. Содержание центрального принципа Римской империи наполнялось симбиозом латино-римской и греческой культур. И последняя служила базой, материалом, из которого лепился образ империи – так закладывался сам **принцип заимствования империи**, ее **транскультурности**, что сделало возможным впоследствии формирование понятия «переноса империи» – *Translatio Imperii*. Таким образом, культурное основание, на котором строилось имперское здание было заимствованным. Рим был частью эллинистической цивилизации в культурном и религиозном отношении, и потому греческая культура воспринималась как цивилизация, а Греция была ее первой хранительницей. Римский государственный гений эллинистическую модель города-государства постепенно трансформировал в модель вселенской империи: принципы эллинистической монархии проявляли себя в имперских (всемирных) рамках и находили свое выражение в **Римском праве**.

Идеи эллинистической монархии сказывались на статусе Римского императора: идея благочестия, религиозного долга императора, все более и более доминирует божественность власти императора, а в IV веке Император попадает под защиту Христианского Бога. Отношения между человеком и богами, императором и богами, богами и империей, получив особую римскую специфику, трансформировались в отношения с Троициным Христианским Богом, явственно проявившись в Византийской империи. В Римской империи отношения граждан империи с богами были регламентированы государством, и государство строго надзидало за их «правильностью», и «сакральное право» – *ius sacrum* – составляет часть «публичного права»

– ius publicum). Религия тесно сопряжена с государственной жизнью настолько, что оторванная от нее почти лишалась своего содержания. Римская государственная религия не имела смысла без римского государства, у нее не было задачи, отличной от задачи государства – она и есть **religio civilis** в собственном смысле!

Все это сказывалось на внешней политике Рима, в частности, на понимании внешних границ империи. Границы определяют пределы сферы деятельности имперской администрации, а также пределы стран, имевших местных правителей, но находящихся в сфере римской юрисдикции, реально или номинально признаваемой. Римская дипломатия формировала сложную структуру геополитического пространства по периметру империи с целью создания специфической буферной зоны (лимитрофной полосы в современной российской терминологии). Рим имел «дипломатические отношения» только с государственно-племенными образованиями, которым он покровительствовал. (Так англичане в Индии покровительствовали своим раджам.) Империя жила не среди народов, а в окружении варваров!

Римская империя – образца «*Pax Romana*» – для Византийской оставалась единой и единственной империей языческих времен с истинно религиозным значением земного образа единого и единственного Царствия Божия. Идея провиденциального значения вселенского «*Pax Romana*» была выражена в знаменитой рождественской стихире, которая пелась в богослужениях византийцами и поется славянами по сей день: «*Августу единоначальствующу на земле, многоначалие человекво преста...*». Если такое значение для Православия имела языческая Римская империя, то несравнимо большее значение Византийская империя имеет для православного мира и сегодня. В основе Византийской империи мы находим идею земного отражения Царства Небесного, и правление императора есть выражение Божественного господства. Единая императорская власть, уподобляется власти Бога, а империя есть земной образ (икона) Царствия Божия. В своем идеале Византийская империя – это сообщество людей, объединенных идеей Православия, то есть правильной веры. Так преодолевается разделение на языки, этносы, культуры, которое было следствием греха – попытки человечества самовольно достичь Небес, построив Вавилонскую башню. Красной нитью через всю историю Византии проходит неприятие любого национализма идеологами империи, и после победы монахов-исихастов утвердился идеал христианской ойкумены с центром в Константинополе. Роль императора традиционно определялась в понятиях римского и христианского универсализма... Афонские монахи во многом укрепили позиции Византии как «царицы городов» – по-славянски «Царьграда», – и «римский» универсализм, олицетворяется этим городом. Византийская империя мыслила себя как единственное и единое государство всех православных народов. Политическая мысль Византии исходила из того, что император есть «космократ», чья власть, в идеале, распространяется на всю ойкумену, на весь цивилизованный мир. И в русской летописи императору тоже отводится наивысший ранг в христианском мире – более высокий, чем ранги местных князей. В конце XIV века в письме к Василию I, князю Московскому константинопольский патриарх Антонием IV указывал: «*Невозможно, чтобы у христиан была церковь и не было императора... Святой император не похож на других правителей и владык других земель... Он есть освященный базилевс и автократор римлян, то есть всех христиан*».

Византийский центральный принцип империи свое совершеннейшее воплощение нашел в идеальной концепции «симфонии», созданной императором Юстинианом. Дихотомия, что Божье, а что кесарево, не проявлялась остро в *Imperium Christianum* Восточного Рима (в отличие от Западного) и становилась актуальной, только если император впадал в ересь. Принцип Православия главенствовал в империи – именно он определял легитимность любых ее установлений, именно он обеспечивал основание и для ее универсализма, и для ее изоляционизма. А император, отступивший от православия надлежал устранению, вплоть до убийства.

Византия сосредотачивала свое особое внимание на контроле над народами и племенами, проживающими вдоль ее границ. Ее внешняя политика, по сути, была политикой пограничной. А дипломатия была «наукой об управлении варварами», и главной задачей византийской дипломатии было заставить варваров служить Империи. Варварам, например, давали земли, где они селились на положении вассальных союзников (федератов). Запомним: **федераты – это вассальные союзники.** Так одни варвары защищали Империю от других. В политике тема монашеской традиции была сродни «политическому исихазму». В частности, результатом такой монашеской политики и стала Куликовская битва: идея решительного боя татаро-монголам вызревала в кругах византийского монашества Руси. Ими же «взрачивалась» Московская Русь как оплот Православия на Севере, и возможной и преемницы Византии. Этнические различия между монахами редко выходили на первый план, между исихастами разных стран существовали прочные личные связи. В монашеской среде преданной идее универсальной империи и вызревает постепенно принцип «*Translatio Imperii*».

Постепенно простая Римско-Константинопольская преемственность сменилась более сложной концепцией **Renovatio Imperii**, а именно: Византия – это Рим новый и обновленный, призванный обновить Рим древний и падший. Еще Константином Великим местопребывание империи было перенесено из Рима в Византию (впоследствии ставшей Константинополем). На византийскую почву было перенесено и римское право. И «Код Юстиниана» был обнародован на латинском языке – таким образом публичное право Византии оставалось основанным на установлениях императоров древнего Рима.

Структура византийского общества разительно отличалась от средневекового Запада с его наследственной аристократией. В Византии, хотя каждый человек был винтиком в едином государственном механизме, и существовала практически неизвестная средневековому Западу социальная мобильность: любой свободный гражданин, в принципе, мог занять любой государственный пост вплоть до высших. С самого начала все чиновники Византийской империи были не частными слугами сеньоров, как на Западе, а представителями публичной власти – «слугами государства» («василевса»): их отзыв, смещение и назначение были актами государственной власти. Основным юридическим принципом византийской системы организации государственного аппарата стал принцип всеобщей сменяемости должностных лиц. Функционирование государственного аппарата империи было рассчитано на «социальную динамику» византийского общества и само порождало эту динамику.

Россия заимствовала у Византии (а через нее – у Рима) практически все наиболее важные компоненты центрального принципа империи, претерпев метаморфозы во внешних их проявлениях, более соответствующих эпохе и географическому положению новой империи, новой «имперской ситуации». Вплоть до Флорентийской унии с католиками (1438-1439 гг.) для русских константинопольский император был символом мирового христианского единства. После падения Константинополя (1453 г.) русским представлялось, что они остались единственным православным народом в мире. Русь пережила это как собственный драматический опыт. Однако, изначально оставаясь государством среди других государств, она вела активную внешнюю политику и не только приграничную. Русский изоляционизм был чисто психологическим, но от этого он не переживался менее остро, и мир неправославный воспринимался, конечно, не варварским, но погрязшим в грехах и заблуждениях, и по сути не было большим преувеличением видеть, что границы России очерчивают в ее представлении почти весь цивилизованный мир, то есть мир сохранивший благочестие и не поддающийся власти дьявола. Империя превращалась в инструмент ограждения православного (и потенциально православного) пространства и механизм поддержания внутри него определенной дисциплины, как бы порядка внутри монастыря. Империя выступала не столько с экспансией, сколько с обороной, призванной закреплять то, что было достигнуто иным путем, защищать от внешних посягательств и внутренних нестроений православный мир. Задачей государства было и расширение зоны потенциального Православия, хотя вплоть до XVIII века Россия не знала подобной миссии в целенаправленной государственной деятельности, как не знала ее и Византия. Задачей государства было устанавливать границы Православного царства, а обращать туземное население в Православие – это дело Промысла Божьего. И примат религиозных мотивов над национальными и прагматическими обнаруживался в российской политике вплоть до начала XX века.

Специфический универсализм Российской империи выразился в том, что в ее пространство включались мусульманский, буддийский, католический и протестантский миры – эти регионы, с разными вероисповеданиями, на общих основаниях входили в состав империи. Последняя как бы втянула в себя все разнообразие и все религиозные противоречия мира, стремясь «отыграть» их и победить внутри самой себя. Если гражданство Византии в значительной степени зависело от православной веры, то в России, где Православие занимало не менее значительное место в государственной идеологии, гражданство и все связанные с ним права давались по факту проживания внутри границ империи, как бы в преддверии обращения подданных в Православие. От подданных империи требовалось обретение всех гражданских добродетелей в надежде на то, что обращение в православие произойдет со временем, скорее по Божьему Промыслу, чем благодаря человеческим усилиям. Для русских психологически государственная граница как бы отсекала завоеванные регионы от остального мира, устанавливая непроницаемый барьер. (Если Советский Союз ставил между собой и внешним миром «железный занавес», то Российская империя этого не делала.) Главным недостатком такой психологии в политике было то, что российские мусульмане воспринимались в контексте внутренних отношений Российской империи. Станным образом предполагалось, что они привыкнут к новым условиям, сойдутся с русским православным населением и в конце концов пожелают слиться с ним. Совсем игнорировалось то, что мусульмане продолжают оставаться частью исламского мира и связь с ним может усиливаться во вред единству и универсализму империи.

Российская империя не имела идеологии, которая отражала бы изменившееся положение дел. ИмPLICITно оставалась актуальной Византийская имперская идеология. А с петровских реформ вопрос имперской идеологии (в отличие от идеологии самодержавия) в России не обсуждался. Так в XIX веке подавляющее большинство русской образованной публики мыслило или пыталось мыслить в европейских категориях, и для выражения имперской идеологии Византии и идеи «переноса империи» трудно было найти подходящие слова или образы. Но и в XIX веке сохранялись важнейшие принципы имперского действия, унаследованных от Византии, имPLICITно проявлял себя взгляд на империю как на икону Царствия Божия, как на государство имеющее мистическое основание, а потому являющееся уникальным, а не одним из многих государств мира. Более, в России не столько подражали действительной Византии, сколько идеализировали ее, создавая монархическую власть в гораздо более чистой и более выдержанной форме, нежели в самой Византии. Но в России, тем не менее, не установилась та «симфония» власти императора и патриарха, которая, по крайней мере, временами достигалась в Византии. Хотя царь не имел права голоса в догматических вопросах, как византийский император, представления же об «имитации» царем Божественной власти были развиты в России едва ли не более интенсивно, чем в Византии, также оставляя принципиальную возможность цареубийства. В целом же государственное устройство России до петровских реформ сложилось не без влияния Золотой Орды, но многое в государственной структуре России, имея восточное происхождение, могло быть воспринято и от Византии, которая являлась вполне восточной империей в смысле своего государствоцентризма. Византийский дух не стал препятствием для заимствования у Золотой Орды отдельных (хотя и многочисленных) элементов государственной структуры – они вполне вписывались в ту идеологию империи, которую Византия привнесла в Русь. Но русские проигнорировали доставшееся Византии по наследству римское право. Однако можно согласиться, что само совмещение принципов культурного универсализма и политического изоляционизма, впервые в полной мере воплотившееся в Древнем Риме, оставалось вполне действенным в России вплоть до большевицкого переворота, а то и после.

С некоторой осторожностью можно утверждать, что имперская система во многих своих аспектах не зависит от этнической и психологической специфики. Индивидуальным, особенным, выступают способ усвоения имперских доминант и пути их реализации. Последние связаны, в частности, с моделями народной колонизации, особенностями восприятия и освоения территории. Но центральный принцип империи остается автономной составляющей имперского комплекса, он определяет каркас здания империи, а народная жизнь встраивается в него, подстраивается к нему.

***

В книге анализируются особенности проявления византизма во внешней политике России в XIX веке. Показан драматизм ситуации «стояния в Сан-Стефано», у стен Константинополя, когда турки были повержены. Александр II совершает тогда самый иррациональный поступок, какой только можно себе представить. Он отправляет в ставку главнокомандующего сразу две депеши: одну с приказом штурмовать турецкую столицу, другую с приказом не штурмовать. Вскоре следует поспешный отвод войск от Константинополя – подальше от соблазна. Нет ни одного другого направления в русской политике XIX века, где столь явно проявлялись бы подобные колебания, алогичности, противоречия, как вдоль геополитического вектора, идущего от Москвы на юг через Балканы, Константинополь, Палестину, Эфиопию. Случилась и крупная ссора с Болгарией, после кровопролитной войны за нее, ссора, которую легко можно было предвидеть и, может быть, избежать, но которую просто не хотели предвидеть. А Крымская война для России, фактически, за право покровительства над Святыми Местами, и та «имперская ситуация» вовсе не была лишь эвфемизмом, призванным скрыть какие-то другие, более низменные причины. Или попытка России установить бескорыстную дружбу с Эфиопией, страной, которая всеми другими державами рассматривалась исключительно как объект для колонизации. Никаких подобных «сантиментов» на иных направлениях русская политика не знала и не проявляла. Данный геостратегический вектор имел для русской политики особое идеальное наполнение. Не видеть этого может и не хочет только тот, кто смотрит на империю исключительно как на политэкономическое явление. Но таковой не была ни одна империя. И туманный Альбион тоже имел свою идею, но ее не видели или тщательно маскировали меркантильными экономическими интересами, имевшими отношение к позднейшей идеологии империализма. Свое идеальное основание имела также империя Французская. Несмотря на внешнюю схожесть Британской и Французской империй конца XIX века, каждая из них была своим особым миром, принципиально отличающимся один от другого. И конечно, своим особым миром была империя Российская.

Балкано-константинопольская геостратегическая линия существовала в XIX веке как рядоположенная с другими линиями русско-английского соперничества на Востоке, такими как памирская, персидская и армянская, и являлась одной из зон наивысшей внешнеполитической активности этих держав (позднее и Германии). Являясь сферой внутриправославной, она как бы вообще была сферой внутренней политики Российской империи. Кроме того, идеальные мотивы и мотивы прагматические были переплетены здесь в тесный клубок, и в каждый конкретный момент мотивация могла быть то одной, то другой. Как соотносились между собой идеальные и прагматические мотивы на различных векторах русской экспансии, в чем была особенность русской экспансии внутри православного мира, в чем была причина ее трудностей и противоречий, насколько эти противоречия были связаны с самой идеологией Российской империи, а насколько были следствием особых идеологических доминант, характерных именно для XIX века и Восточного вопроса – вот перечень вопросов, которые раскрывает автор. Константинопольская линия в Восточном вопросе несла на себе основную идеологическую нагрузку. Персидская линия связана с борьбой за выход России к «теплым морям», а именно: к Персидскому заливу. Она имела очевидно прагматическое значение, в ее основе лежала экономическая выгода России и только она. Памирская линия также имела экономические основания, кроме того, и это даже более существенно, – основания политические: продвижение в сторону Индии на каждом своем этапе было мощным средством для шантажа Англии в Восточном вопросе. Что касается армянской линии, то с одной стороны, она была параллельна и как бы дублировала персидскую, а с другой, она могла стать для России обходным вариантом константинопольской линии. В России понимали, что для упрочения своей власти в Дарданеллах ей придется занять, по меньшей мере, всю Малую Азию, присоединяя к русскому уделу Царьград с его областью. Целью ставилось слить приобретение Царьграда с главной массой русских земель. Подмена религиозных идеалов национальными стала перманентной для конца XIX века. И автор обозначает и проясняет ряд геостратегических линий Российской империи.

Под идеальными геостратегическими линиями понимаются такие векторы экспансии, прежде всего культурной, которые вытекают из религиозного основания имперского строительства. И южный вектор экспансии для Российской империи сохранял немалые религиозные основания, что достаточно убедительно раскрывает автор. Понимается, что знаменитое письмо псковского монаха Филофея, написанное Великому князю московскому Василию III, положившему начало Русскому царству, в первых годах XVI века, было скорее апокалипсическим, чем политическим и по тону, и по контексту: «Москва – Третий Рим, четвертому не бывать!». Да так еще и потому, что конец мира ожидался тогда очень скоро. Задача России состояла, да и остается пока, в защите и сохранении на земле Православия, хотя в церковном понимании Третий Рим (Святая Русь) – понятие чисто эсхатологическое. Переходя в сферу политического словоупотребления, идеология «Третьего Рима» отчасти теряла эсхатологический смысл, но приобретала привязку к имевшимся государственным формам и неизбежно разворачивалась в политическую программу, корнями связанную с имперской программой Второго Рима – Византии. Расширение пределов Третьего Рима не просто подразумевалось, но худо-бедно проводилось вплоть до рокового Октября 1917-го.

Реинтеграция Византийского мира не обходилась без проповеди, но проповедь эта была особого рода – тем, кому когда-то православие уже было проповедано, но кто по тем или иным причинам отпал от него. Так добивались если не политического, то духовного единства, объединения народов, сохранявших православие или впадших в ересь. В силу самой византийской традиции религиозные представления получали и политическую проекцию. Автор на примере активности в южном направлении показывает, как в геополитике религиозные установки носителей имперского сознания проявляются и как формируется государственная политика, более или менее выражающая и главный принцип империи. Геополитическая линия Балканы – Константинополь – Святая Земля – Эфиопия становится стержнем конфронтации двух идеологий: «византизма» и «панславизма». Разворачивается арена столкновения центрального принципа Российской империи, принципа религиозного, и принципов национальных: национальных по форме и интернациональных по содержанию, ибо национальные идеологии различных народов империи, зарождаются как раз в это время, и они похожи как капли воды. Русская политика на Балканах, да и всюду, должна иметь в своем основании заповедь Апостола Павла: в церкви нет ни эллина, ни иудея. Все православные – родные братья по духу, потому и отношение ко всем братьям должно быть одинаковым и беспристрастным, о чем не раз заявляло русское правительство, но не всегда следовало этому.

Модой на национальную идею во многом объяснялся и энтузиазм по поводу объявления Балканской войны, 12 апреля в 1877 году: воинственная горячка охватила всех, все хотели быть причастными к делу, чтобы помочь братьям-славянам. Народная реакция была несколько иной, гораздо более сдержанной, менее эмоциональной, зато война воспринималась именно как война за веру. По мнению крестьян, вся загвоздка в

англичанке. Чтобы вышло что-нибудь, нужно соединиться с англичанкой, а чтобы соединиться, нужно ее в свою веру перевести. Не удастся же перевести в свою веру англичанку – война. Идеальная доминанта православной империи глубоко запала в сознание, душу народа, а правительство и образованная общественность уже изрядно заражены политико-национальными мотивами. Балканская война для народа – это война за веру, но война с Англией, у которой Турция только марионетка. Народное толкование, по существу, верно отражало реальное положение вещей. Но война эта показала, что европейский национализм возрос и на русской почве.

В вопросе о значении для России Константинополя столкнулись все возможные идеологии: прагматически-этицистская, национально-панславянская, православно-византийская, – и все сходились во мнении, что Константинополь не может оставаться просто русской колонией и, возможно даже, освобождение от турок Константинополя было делом для России небезопасным. А К.Н. Леонтьев и вовсе полагал, что образование одного сплошного всеславянского государства стало бы началом падения царства Русского, Российской империи под натиском более молодых и энергичных славянских племен. Странная и удивительная картина складывалась к концу XIX века. Не останавливал ли, скорее, страх перед «роковым городом», невозможность разрешить его судьбу. Захват Константинополя ставил в какой-то мере под вопрос нашу собственную идентификацию. И что же должно случиться с Третьим Римом после возвращения Рима Второго? Государственная и религиозная составляющие идеологии Третьего Рима не противоречили одна другой, по крайней мере до тех пор, пока государство продолжало мыслиться как инструмент для укрепления Православия, а не наоборот. Но Константинополь был тогда словно незрелый плод, который очень хотелось проглотить, но который слишком очевидно мог вызвать несварение желудка. Сегодня возможно понять «имперскую ситуацию» и нервную противоречивость русской политики в Восточном вопросе, дополнительно усиливающуюся славянофильством с его огульным политическим идеализмом и ростом прагматического этицизма, не особенно учитывающего идеальные начала во внешней политике. При всем при этом «византийская» идеология претворялась в жизнь.

Но не все в политике империи является следствием ее центрального принципа. «Имперская ситуация» складывалась заимствованием государственных форм и методов управления, идеологии, популярных в то или иное время, всего, что можно было бы назвать «культурными доминантами эпохи», которые зачастую грозили фатальным образом разрушить логику имперского строительства, заданную центральным принципом, формы и методы управления. При всей такой противоречивости «имперской ситуации» византийская инерция не могла продолжаться до бесконечности. Империя существует, пока есть люди, для которых ее ценностные доминанты соотносятся с предметом их личной веры, которые являются живыми носителями религиозных оснований империи.

Случаются резонансные ситуации, когда главный принцип империи вдруг выплескивается в бушующем море политических страстей, что и произошло в Балканскую войну. Тогда были люди и народ в массе своей, мыслящие и действующие в одном южном направлении, русские войска дошли до самого Константинополя, но резонанс спал и все застопорилось и начался откат. На протяжении всего XIX века шел очень медленный и болезненный процесс духовного и душевного сближения народов бывшего Византийского мира, и Балканская война дала такой вот резонанс. Но процесс имевший и ранее свои очень серьезные срывы, а переход Болгарии в сферу влияния Германии был серьезным потрясением главного принципа Российской империи. Потеря была огромная, и эту потерю не удалось предотвратить потому, что на болгар смотрели через розовые очки славянофильства.

Мы наблюдали ярко выраженную церковную струю в российской политике, ее влияние было достаточно ощутимо, и она вполне органично вписывалась в общий контекст внешней политики Российской империи – практически не встречала себе сильного противодействия до Адрианополя с Сан-Стефано и Берлинского конгресса. Константинопольское направление на протяжении почти всего XIX века встречало поддержку и со стороны царской фамилии.

***

В книге есть такая особенность, присущая автору, как в плавно излагаемое повествование по теме вдруг включаются теоретические положения, весьма способствующие правильному пониманию всего контекста далее и, что важно, сильно актуализирующие, казалось бы, вопросы прошлого. Так вот очередная глава в книге посвящается вопросу организации пространства в ходе взаимодействия империй в их целостности –

исключительно полезное включение, «расставляющее точки над *i*» при описании империй, их разновидностей, определяющее и способы колонизации и противоборства между империями. Весьма полезная такая краткая «энциклопедия» по некоторым вопросам геополитики. Это действительно стоит прочитать и принять к сведению, чтобы лучше и полнее понимать, что было и что сегодня происходит и как, на планете в целом и в отдельных ее регионах, и почему регионы становятся вдруг или остаются надолго горячими.

В случае Восточного вопроса роль сначала России и Англии, затем России, Англии и Германии (Франция тут всегда была второстепенной) как участников геополитического процесса легко ассоциируется с игровым полем. Функции территории взаимодействия держав имеют смысловое и как бы «игровое» значение, при котором участки земли, отдельные области (с народами, а то и государствами на них) приобретают в процессе соперничества держав те или иные свойства, как правило, без решающего значения желания или насущной потребности местного (туземного) народонаселения. Поскольку в книге освещаются империи и взаимодействия России и Британии, то они и служат для иллюстрации особенностей и принципов организации геополитического пространства в регионах их соприкосновений. Противоборствующие державы совершают ходы и контрходы на обширных территориях – напрашивается аналогия с шахматами на огромной доске. Только доска эта расчерчена не правильными квадратами, а горами, долинами, реками, традиционными торговыми путями и перекрестками, наконец, тут живут народы и племена, имеющие разные культуры и характеры. Любое геополитическое действие не может не принимать в расчет этих обстоятельств такого вот «игрового поля». Империи как геополитические субъекты сами, так сказать, из «подручного» географического, человеческого, культурного материала, имеющегося на арене геополитического соперничества, стремятся создать свои «шахматные» фигуры. «Разметка» геополитического поля складывается из функциональной нагрузки различных территорий в процессе взаимодействия держав и международных политико-правовых принципов оформления их статуса. Еще более важная особенность геополитической игры, в отличие от шахматной, состоит в том, что она не имеет четких правил. Говоря об алгоритмах геополитического соперничества, предпочтительнее говорить не о правилах, а о языке. О неких закономерностях организации геополитического пространства, особенной логике геополитического взаимодействия возможно говорить, когда «разметка» геополитического поля понятна всем игрокам-соперникам. Едва у соперников созревают новые ценности, вырабатываются новые способы действия или достигаются новые технические возможности, как они тут же стремятся видоизменить этот язык, а значит, – принципиально продолжают играть вне прежних «правил». В геополитике правил нет, но закономерности есть. И эти закономерности отражают исторический характер соперничества геополитических субъектов. Соответственно, меняются и сами функциональные значения территорий.

Формы соперничества, в частности и между Россией и Англией, на протяжении второй половины XIX века были **фронтальными, линейными, очаговыми**. На Балканах, Закавказье, Средней и Центральной Азии складывались две огромные непрерывные, почти параллельные фронтальные линии, которые, как волны накатывались навстречу друг другу. До XX века эти линии не находились в непосредственном соприкосновении. Между ними складывалась **буферная полоса**. Далее рассматриваются детально функции буфера при фронтальном типе соперничества. В ходе соперничества в Восточном вопросе Англия на обширной линии суши во многом действовала согласно логике сухопутной державы, оставаясь при этом морской державой, пристально охраняя все те участки на побережье, которые могли стать для России морскими воротами. При фронтальном типе конфронтации буфер может иметь функцию **«волнолома»** для одной, а иногда и для обеих сторон. В существенном смысле «волноломом» виделась Англия и Турция, которую она планомерно поддерживала в состоянии неделимости и политической протекции, не допуская ни расчленения, ни экономического развития ее. Формой буфера-«волнолома» может стать агрессивное государственное образование, созданное в непосредственной близости от фронтальной линии с соперником и призванное служить ударной силой, разрушающей эту линию. (Сегодня мы наблюдаем то же, нечто подобное, хотя Турция обрела функцию региональной державы с безудержными амбициями. А США играют ведущую роль в соперничестве с Россией.) Россия в своей восточной политике опиралась на армянское население Османской империи и в некотором роде смотрела на армянские вилайеты как на свой буфер. Для его сохранения Россия добилась того, что немцы вынуждены были изменить свой первоначальный проект Багдадской железной дороги и обойти армяно-населенные районы Турции. (Националистическое движение в армянской среде империи обычно вызывало у России достаточно болезненную реакцию. По мере продвижения линии фронта бывшие союзники включались в состав империи и подпадали уже под внутреннюю имперскую политику, что и произошло с армянами в XIX веке.)

Линейная форма соперничества держав, до того существовавшая только на море, начинает распространяться и на суше в связи со строительством железнодорожных магистралей (Берлин – Багдад – Барса, КВЖД на Дальнем Востоке), что приводит к качественным изменениям в функциях буферных зон, например, навешиванием «**замков**» в узловых пунктах магистрали или морских путей. Вдоль линии организуется пространство с определенными функциями, что изменяет и значение буферов тут. Особенность буфера выражалась в новом политико-экономическом образовании, на которое возлагались функции и хозяйственного развития территории. Узловые станции на железной дороге превращались в новый компонент организации территории, в ее нервные центры. Цепочка, линия вдоль этих буферных зон по магистрали имела в комплексе огромное геостратегическое значение, поскольку давала возможность военных перевозок по всему Востоку, связывала в единое целое важнейшие стратегические районы и, кроме того, определяла организацию всего пространства вокруг в зависимости от основной коммуникационной линии, ее направления. Русско-английский раздел зон влияния в Персии привел к постепенному трансформированию фронтального типа соперничества в линейный, приобретая тенденцию технико-экономического сотрудничества. План послевоенного передела Ближнего и Среднего Востока (план Сайкс-Пико, 1915–1916), также имел такую конфигурацию, которая делала бы удобной прокладку совместной для держав Антанты транс-восточной дороги. Все эти трансформации сопровождались «навешиванием замков» на пункты, являющихся для тех или иных стратегических путей ключевыми: создаются **буферы-блокаторы**, **буферы-контролеры**. «Линейный» буфер мог поддерживаться в роли активного, иногда даже агрессивного агента, чего не допускалось при фронтальной форме соперничества.

Очаговая форма соперничества возникла уже в XX веке. Образно это выглядит так: напротив «крепости», принадлежащей одной державе, возникает «крепость», принадлежащая другой, и эти «крепости» ведут между собой «перестрелку», добиваясь победы или перевеса в регионе. Пространство между ними оказывается «полем битвы». Пример? Противостояние на Ближнем Востоке Израиля, вооружаемого преимущественно Соединенными Штатами, и Сирии, вооружаемой преимущественно Россией (ранее СССР). Ливан между ними получил «игровое» значение «поля битвы». Мы имеем уже глобальное противостояние держав, когда его ареной является весь мир в целом. В этом случае агенты-«агрессоры» используются уже в полной мере. Основной мировой конфликт как бы сублимируется, и в специальной организации арены соперничества уже в целом вроде как и нет нужды.

По всему миру идет, казалось бы, хаотичная, **гибридная война**. Но ей предшествовал период реорганизации мирового пространства по закономерностям, близким уже **глобальной геополитики**. Державам-победительницам в Первой мировой войне удалось эффективно исключить из своих рядов Россию, организовав там Октябрьский переворот, и более или менее неконфликтно поделить между собой сферы влияния на Ближнем и Среднем Востоке. Организация этого пространства как арены соперничества практически отсутствовала, а акцент переносился на глобальную ответственность держав и принципы управления народами. Была разработана довольно гибкая и продуманная **мандатная система**.

В эпоху очагового противостояния структура пространства на Востоке, да и во всем мире, остается примерно неизменной. Противостояния наверняка приобретают довольно жесткую структуру в геополитическом пространстве с доминантными и самостоятельными значениями. Теперь относительно легко применяются альтернативные или гибридные комбинации. Трансформируются и роли самих держав. Так классически сухопутная Россия в эпоху глобальной геополитики поддается соблазну стать морской державой и добивается этого очень настойчиво. (Но жесткой последовательности в ее действиях нет. Она берется за те предприятия, которые с наибольшей вероятностью могут увенчаться успехом, оставляет одни, неудавшиеся, и тут же берется за другие, за тысячи километров от них.) Классически морская держава США (вытеснившая Великобританию), следуя геополитической доктрине Н. Спайкмена (территорию континента опоясывает **римленд**), стремится укрепиться на береговой полосе Евразии, что в какой-то мере можно рассматривать как современную форму фронтального соперничества. Но и их действия не имеют строгой последовательности: в рамках глобального противостояния территории римленда для США взаимозаменяемы. Обширность арены соперничества дает огромную свободу маневра, устраняет из макроуровня геополитического действия как элементы тщательного балансирования отношений, свойственные классической дипломатии, так и алгоритмичности – предзаданного характера процесса взаимодействия. Активно применяются методики «хаоса». На микроуровне геополитического действия все отчетливее проявляются проектно-алгоритмические черты, и последующим этапом геополитического взаимодействия становится **проектный**, предполагающий упорядоченность и синхронизированность действий в различных регионах и на разных уровнях. Организуется «**управляемый хаос**».

Структурообразующими осями, вокруг которых организуется мировое пространство, являются **геостратегические линии**. Они сопряжены с основными векторами экспансии (экономической, военной, идеологической). Вот несколько типов таких линий: **линии конфликта между державами, линии основных направлений грузопотоков сухопутными или морскими путями, направления распространения культурных образцов**. В истории Восточного вопроса можно выделить четыре линии конфронтации между Россией и Англией, это – **балкано-константинопольская, персидская, армянская и памирская**. Прохождение этих линий обусловлено было географическими, политико-географическими, культурными и психологическими факторами. Линии соперничества в иных обстоятельствах могут перерасти в линии сотрудничества, пронизывающие большие пространства, проходя через страны и континенты, разветвляясь и связывая между собой обширные регионы. Центрами агрессии вдоль геостратегической линии могут стать как очаги собственной, автохтонной культуры, так и любые другие культурные очаги, которым может быть придана соответствующая доминанта, из которых тянутся идеологические геостратегические линии напряжения. Идеологические агрессоры могут совпадать с военными, но могут вносить и дополнительные моменты в организацию территории вокруг линии конфликта. Однако культурно-идеологические линии напряжения вряд ли могут быть преобразованы в сферу сотрудничества, поскольку речь идет об исходной конфронтации глубинных культурных доминант, о трансляции основополагающих ценностей. Здесь возможны либо победа одной стороны и подавление другой, либо некое неустойчивое образование по принуждению. В разные эпохи и для разных стран эти идеальные геостратегические линии качественно различны. В эпоху очаговой формы соперничества (при всей ее идеологической напряженности) говорить о стабильных линиях такого рода почти бессмысленно. Они складываются ситуативно, принципиально непрочны и переменчивы, провоцируемы почти идеально-метафизическими расширениями жизненного пространства, сопровождаются бурно эксплицитным идеологизированием на эту тему. (Из примеров подобных конфронтаций – Карабахский конфликт как шлейф от армяно-турецкого.) Для России наибольшую идеологическую нагрузку имела ее геостратегическая линия через Балканы к Константинополю и далее на юг. Вообще геостратегическая линия представляет собой некий **стержень, вокруг которого идет особого типа структурирование территории**. Она может иметь большую или меньшую идеологическую нагруженность, что тоже влияет на организацию территории вокруг и вдоль. Она сопровождается выраженной пропагандистской компонентой, замыкающей на себе самые разнообразные элементы геополитического взаимодействия.

Кроме реальной борьбы между державами идет борьба идеальная, борьба проектов. На рубеже веков XIX и XX появились проекты строительства трансконтинентальных железных дорог. В XX веке проекты усложняются, они предполагают уже заблаговременную организацию пространства, обладающую определенными – не столько статическими, сколько динамическими – качествами. Например, границы государственных образований очерчиваются так, что предопределяют затяжной конфликт (именно он является стержнем проекта), и прилегающие к нему регионы перманентно конфликтогенны, а в процессе его (вялотекущего) развития приобретают качества и вызовы, провоцирующие неизбежные вмешательства извне. Сегодня это Ближний Восток, Закавказье, Афганистан, Прибалтика, Украина, Дальний Восток и др. Создается стойкая технологическая структура самовоспроизводящегося конфликта, провоцирующего политическую пространственность вокруг себя. Политический регион сегодня представляет собой территорию, на которую **мыслительные фигуры геополитической силы** накладываются на реальность. Так по Спайкмену: «Геополитический регион – это не географический регион, определенный неизменной топографией, это с одной стороны, а с другой – **динамическими сдвигами в центрах силы**». Откровенно цинично! Любое пространство на земле никак не устойчивое и саморазвивающееся, никак не самозамкнутое самодостаточное целое, а по определению всегда подлежащее динамике глобального геополитического взаимодействия, оно – лишь фрагмент или узел стягивания напряжений некоего всемирного целого, продукта **мыслительных манипуляций глобальных центров силы на геополитическом поле планеты всей**. (Всякие предварительные планы урегулирования конфликта, представленные в виде карты территориальных переделов, сами по себе могут служить мощными стимулами провоцирования конфликтной динамики и рычагами ее контроля.) Такой проект предопределяет для оказывающихся в поле его действия субъектов некоторое распределение внешнеполитических ролей, то есть задает некую динамическую псевдосюжетность конфликта: он проецирует на пространство **предзаданный образный ряд**, который в конечном счете обуславливает не только восприятие течения конфликта внешним миром, но и в значительной мере продуцирует восприятие конфликтующими сторонами друг друга и даже отчасти самих себя. В процессе проектной организации пространства конфигурация региона может меняться как в плане внутренней структуры отношений, так и в плане привязки к нему тех или иных территорий. Вместе с тем, проектный способ действия не исключает полностью других, более архаичных форм соперничества. Геополитическое взаимодействие сегодня имеет пульсирующий характер. Фазы сотрудничества в реализации проекта сменяются действиями в стиле

традиционной военной стратегии, приводящими реальный баланс сил в более адекватное состояние для функционеров в проектом пространстве.

***

После погружения в особенности колониальной экспансии и геополитику, возвращаемся к обсуждению особенностей Российского государства и народа его. Фактически вся жизнь российско-подданных была устроена так, что каждый без исключения на своем месте служил интересам государственного целого: по своей ли воле, помимо ли нее... В России всегда во все времена государственные или военные функции, были сильно развиты, порой даже гипертрофированы, а прочие – запущены. Да и сами русские никогда не мыслили себя вне государства. Семейственное начало было развито относительно слабо, оно затмевалось началом общинным. Хотя государственная парадигма присутствовала в сознании всегда очень четко, отношение к государству русских крестьян второй половины XIX – начала XX веков поражают противоречивостью. Так, крестьяне старались избегать любых встреч с представителями государственной власти. Но эти же крестьяне очень неплохо разбирались во внешней политике государства. В периоды войн народ внимательно следил за ходом боевых действий, а чтение газет занимало значительную долю деревенского досуга. Объяснение крестьянами политических целей и задач России, действий ее и других государств, весьма разумны и близки к реальному положению дел. У народа было очень отчетливое ощущение некоего должного для государства – и в этом психологическая подоплека и русского этатизма, и русского анархизма. Причина постоянной конфликтности русского государственного сознания в его глубинной противоречивости при его упругости, интенсивности, прочности. Далее очень подробно показываются основания и условия разрешения конфликтности. Более, сами противоречия становятся источником и поддержкой российской экспансии. Благодаря общинной организации крестьян, их принадлежности определенному миру¹, российское пространство обрело многочешуйчатую структуру, и расширение империи происходило путем прибавления все новых и новых миров-чешуек к уже имеющемуся телу государства, тоже, собственно, чешуйчатому. (О чешуйках, которыми представил территорию России ребенок, было в самом начале рецензии.) Синонимом слова «община» является слово «мирь», и понятие «мирь» было центральным в сознании русских крестьян. С правовой точки зрения он был административной единицей, с церковно-канонической – приходом; с точки зрения имущественного права – мирь, поскольку он распоряжался землей, являлся поземельной общиной. (У некоторых христианских народов община была миромь практически в том же смысле слова, что и у русских.) Русская община была центральным местом в самоидентификации подавляющего числа членов русского общества, состоящего в основном из крестьян или выходцев из села. Община была очень гибким организмом, но всегда внутренняя сущность общины оставалась неизменной – она была самоуправляющимся миромь. В древности мирь сам был как государство, но и с ростом централизации в российском государстве в целом община-мирь для народа оставалась самодовлеющим целым, и мирь оставался высшим авторитетом.

Структура русского общества еще в XV веке, а на Севере вплоть до XVII века, представляла собой федерацию мировь на основе общих экономических и военно-стратегических интересов при полной автономии каждого конкретного мира. Мирь был структурой, в которую входили люди разных сословий, проживающие на данной территории. Миромь был и город, и улица, и городской «конец» (район города). Мировь каждого конкретного региона объединялись в земство, а земство уже входило в состав Московского государства. Само государство понималось как система, объединяющая многочисленные мировь. Россия оказывалась в восприятии народа большой общиной. Так же под миромь понимался и «русский народ». Получалось, что над местными мирами стоит, с одной стороны, мирь всей земли, русская земля, а с другой – мирь в смысле весь народ. В Смутное время под миромь патриарх Гермоген в своей грамоте о сведении с престола Василия Шуйского понимал весь русский народ. Но реальное государство российское никогда таким миромь не было. Положение крестьянской общины в российском государстве становилось все более двусмысленным, особенно после петровских реформ. И народ к властям порой относился, как к оккупантам. И в конце XIX века никакие нововведения не вызывали доверия крестьян. Народ продолжал чувствовать себя в глухой конфронтации с государством. У государства же отношение к общине было чисто утилитарное: пополнение казны и рекрутский набор, а права общины нередко игнорировались. После крестьянской

---

¹ Здесь и далее намеренно применяется такое дореформенное правописание слова «мирь», чтобы подчеркнуть его не синонимичное значение слову «мир» как, скажем, душевное свойство ощущать мир и покой. (ред.)

революции 1905 года государство начинает целенаправленно общину низводить. Соппротивление крестьян реформе было яростным и иррациональным... Еще в начале XX века крестьянская психология оставляла их в большом государстве-общине, поддерживая массовое переселенческое движение – «народную колонизацию» окраин Российской империи. Более того, народ повсеместно верил в «черный передел» – всероссийское поровнение, справедливое перераспределение русской земли между всеми членами русского общества на тех же принципах, на которых происходило поровнение внутри отдельных общин.

Цари в России появились значительно позднее, чем сформировался механизм мирского самоуправления. Но образ царя как народного защитника на удивление глубоко укоренился в сознании русского народа. Можно идеологические основания этого убеждения искать в византизме, глубоко усвоенном русскими, но в реальности это убеждение все чаще не получало никакого подтверждения. Психология крестьян не хотела мириться с такой реальностью, защищая свой «миропорядок». В сознании народа должно было быть нечто такое, что, несмотря на постоянный конфликт государственного и мирского начал, пронизывает их оба. Автор пытается найти и описать это нечто. И находит.

У истоков русской государственности лежит серьезная психологическая драма. Когда пала столица православного мира – Константинополь, – русским представляется, что они остались единственным православным народом в мире. И русские вверенное им на хранение Православие обязаны сохранить для целого мира, и вся страшная ответственность за его гибель падет исключительно на русских, от которых только и могут последующие поколения наследовать истинное Православие и благочестие! Старые русские воззрения на греков, как на утративших истинное благочестие, на Москву, как на преемницу Византии, как на единственную теперь хранительницу чистого, ни в чем не поврежденного Православия, в народе укрепились настолько сильно, что и реформа Никона привела к расколу и старообрядчеству, корнями глубоко проросшему в народе и, как ни удивительно, в души правителей русских. Вот откуда корни русской недоверчивости к другим народам, самоизоляции, скрытности – особенно бросающейся в глаза иностранцам, – ощущение своей особой миссии в мире, миссии, которая требовала постоянного внутреннего напряжения и самозамкнутости. Все это сидит глубоко в русских, несмотря на все последующие в веках потрясения и реформы государственного управления. Да, процесс формирования русской государственности и этногенез русского народа шел очень не просто. Недостаточность общественных сил, личных и материальных средств для разрешения очередных внешних и внутренних задач и проблем русской жизни – постоянная и полная трагедии судьба ее истории. (То же мы имеем и наблюдаем и сегодня!) Поэтому значительные исторические достижения покупались и продолжают покупаться дорогой ценой крайнего напряжения. Русское государство, чтобы не распасться, должно было иметь мощную идеологическую доминанту, которая оправдывала бы такое постоянное перенапряжение сил.

Московские цари считали себя преемниками византийской государственности и претендовали на то же значение в православном мире, которое имели византийские императоры. Они перенесли на русскую почву византийскую идеологию государственной власти, где могущество Православия зримо выражалось через государственное могущество. Единообразии населения империи становилось символом победы религиозно-государственной идеи. То, что мирь всегда враждебен унитарному государству, не рефлексировалось – государство просто не считалось с мирским устройством русской жизни. Унификация обширной территории Российского царства, впоследствии – с Петра Великого – империи, происходила постепенно, и вплоть до XVIII века – а в действительности и до XX века – многие ее окраины сохраняли автономию юридически – либо фактически, – хотя первая попытка упорядочить областное управление была сделана еще Иваном IV Грозным.

История русского народа была иной, и бегство от государственной власти составляли все содержание народной истории России. Народ упорно не признавал над собой единыющей, сглаживающей все различия и препятствующей самодеятельности государственной власти. Народ по-своему воспринял и усвоил очень глубоко, но в иной форме идеологию «Москва – Третий Рим». Для него Третьим Римом был он сам – русский народ и «Святая Русь». Любое место, где живут русские, уже тем самым становится Россией, вне зависимости от того, включено ли оно в состав Российской государственной территории или нет. Разница между государственным византизмом и русским миропорядком в том, что «Москва-Третий Рим» привязана к конкретному месту, конкретному государству, и носителем его может быть каждый, кто примет Православие и Российское подданство, а «Святая Русь» – во всяком случае, в ее раскольничьих интерпретациях – несет более выраженную этническую окраску, а локализация ее, можно сказать, скользкая: то град Китеж, то Беловодье. Известна и легенда о Святой Руси: до поры до времени скрывается от взоров Русь, скрывается от взоров и царь русский. Раскол связан и с политической оппозицией власти царя, поскольку в истории прослеживается прямая связь между расколом и земством (последнее ведало в числе прочего и многими церковными вопросами).

И в Смутное время, Российское государство было спасено именно земством. Патриарх Гермоген обратился со своими посланиями к миру, понимая под миром весь русский народ – и в безгосударственное время власть вернулась народу. И народ восстановил Московское царство. Но и раскольников Святая Русь имела свое гражданство. В известном смысле можно сказать, что она мыслилась именно как государство. Бегство народа от государства приводило к колонизации новых земель государством. Народная колонизация завершалась государственной: вслед за народом шла государственная власть, укрепляя за собой вновь заселенные области и обращая беглых вновь в свое подданство. И крестьяне чувствовали, что делают нечто необходимое государству, служат государству,.. от которого бегут. Такой конфликт между народом и государством приводил к укреплению государства, более того, без этого конфликта русская государственная власть никогда бы не смогла прочно утвердиться на столь огромной территории. Конфликт был функциональным и сам служил залогом могущества Российской империи. Но для народа родным был общинный, мирской дух вообще и государственный дух вообще. И **своеобразный перенос понятий «Москва – Третий Рим» и «Святая Русь» на практике обеспечивал силу русской экспансии**. Русский народный этатизм имеет мирскую форму, и потому этатизм официальный и этатизм народный различны между собой, и каждый со своей стороны отвергает внешние проявления другой формы этатизма. Но оставался, по крайней мере один, атрибут, присущий той и другой форме этатизма, – это образ царя. В двух этих системах образ царя имеет отчасти различное содержание, но тем не менее дает определенную возможность прямой коммуникации между ними: государственная пропаганда может обращаться – до поры до времени – к народу на понятном ему языке. (В начале XX века эта коммуникация нарушается сильно революцией 1905–1907 годов, и продолжалась дисфункция до февральской революции 1917-го.) До поры до времени, когда выходом из противоречиво сложившейся структуры общинно-государственных понятий стало не бегство от, а воля, когда человек в одиночку выходил из своих социальных рамок. Но воля эта – это высвобождение с надрывом, с душой, вывернутой наизнанку. Такой же надрыв чувствуется и в самой русской государственности, очень интенсивной и напряженной. В русском государственном сознании, во всех формах его, ощущается постоянный надрыв, бесконечный поиск себя и невозможность нормальной и спокойной самоидентификации. Напряженность и надрыв оставляли постоянную возможность срыва. Конфликт всегда мог и может утратить свою созидательную функцию...

***

Российская империя в ее идеальном образе должна была заменить собой империю Византийскую, стать Третьим и Последним Римом, единственным земным царством Православия. Русское переставало быть этнической характеристикой и становилось государственной: все, что служит процветанию православной государственности, является русским. Не русские – православный народ, а весь православный народ – русский, по имени православного государства. Эта мифологема проявлялась не столько через эксплицитное идеологизирование, сколько имплицитно, через действия, поступки, реакции людей, строивших Российскую империю. В пространстве, которое возникало между мифологемой и жизнью, разворачивались такие события и отношения, которые создавали для носителей имперской идеи не только внешние, но и глубокие внутренние конфликты, и эти конфликтогенные ситуации имперский народ перманентно преодолевает. Имперское строительство имеет в основании два не сводимые друг к другу культурологических фактора: **модель народной колонизации и центральный принцип империи**.

Россия страна, «которая колонизируется». Особенность русской народной колонизации в том, что русские просто переходили с одного места жительства на другое, а новые территории, заселяемые русскими, становились продолжением России. В XIX веке было уже несколько иначе: по мере продвижения русских войск юго-восточном направлениях, в Центральной Азии, занятые земли очень быстро заселялись русскими крестьянами. В отличие от Западной Европы, переселенческие движения России, оставаясь явлениями внутреннего быта, имели форму бегства от государства. И русское движение не было исключительно военным – всегда вместе с тем и земледельческим. Бегство же напоминало игру в «кошки-мышки». И государство не справлялось с этим, даже если и хотело упорядочить процесс колонизации. От тундры до пустыни продолжается вольная русская колонизация. Русские крестьяне неуютно чувствовали себя только там, где сталкивались с туземными народами, обладающими собственной развитой культурой и национальным чувством, как это было в Закавказье или, например, в Приамурье, где китайцы жили абсолютно изолированно от русских. В своей первоначальной форме русская колонизация представляла собой как бы наслаивание «чешуек», участков территории, находившихся в юрисдикции отдельных миров, в итоге все происходило по схеме: **бегство народа от государства – возвращение беглых вновь под**

государственную юрисдикцию – завершение государственной колонизации новоприобретенных земель.

Или если в итоге военной кампании к территории государства прикрепляется большая «чешуйка», то в идеале она тут же покрывается мелкими «чешуйками» территорий отдельных русских миров. Так «дикое поле» осваивалось, интериоризировалось, приобретая «чешуйчатую», мирскую структуру. Никакой идеологической программы колонизации, разработанной методики колонизации у России-государства не существовало вплоть до конца XIX века. В основе ее лежала русская психология колонизации с небезызвестным «авось». Гомогенность территории империи достигалась разными способами, и в каждом случае это было не правило, а очередное исключение. Имперская политика в национальном вопросе пестра и разнообразна в своих проявлениях, но цель всегда ясна – исключение политического сепаратизма и установление государственного единства на всем пространстве империи. На многих территориях империи (а это большей частью обширные малозаселенные пространства) ассимиляция происходила быстро и почти безболезненно, что составляло ложное представление об исключительных способностях русских к ассимиляции. Тогда как психологически русские колонисты были чрезвычайно интровертны, замкнуты в себе и вообще не склонны обращать особое внимание на инородческое население. Исследователей поражала традиционная нечувствительность русских к национальным проблемам иноплеменных подданных и их вполне искреннее неумение «воспринять национальное неудовольствие всерьез». (С тех пор мало что изменилось в психологии русских, разве что из-за затуманенной идеологии возрос, пробившись сквозь асфальт советского интернационализма, не присущий православным русским национализм.) Ассимиляцию трудно считать элементом модели народной колонизации, но она оставалась составной частью русского имперского комплекса, основанного на взаимодействии религиозной и государственной составляющих. На рубеже XIX и XX веков, когда этатистская составляющая имперского комплекса все настойчивее подавляла религиозную, когда посредством секулярного этатизма на русскую почву проникала националистическая идеология (которая, в противоположность имперской, исключает культурную экспансию), никакая массовая колонизация не могла интегрировать население страны, особенно недавно присоединенных к империи.

Почти всей истории российского государства сопутствовало соперничество его с Великобританией. Близость друг к другу в регионе – русских в Средней Азии и англичан в Индии – не давала реализовывать типичные для них модели управления. В характерах управления Русским Туркестаном и Британским Индостаном имелось множество сходных черт, которые были следствием объективных закономерностей организации геополитического пространства и не имели отношения к индивидуальным этнокультурным особенностям ни русских, ни англичан. Этот обширный регион-«крепость» предполагал особую организацию и дисциплину. На территориях-«крепостях» русский имперский комплекс не реализовывался во всем своем объеме ввиду как бы перманентного «особого положения» в крае. А русские были привычны, и новые препятствия крестьянской колонизации, вызванные особым геополитическим положением регионов-«крепостей», не воспринимались народом как нечто экстраординарное. Этнопсихологическая составляющая центрального принципа империи не нарушалась. Но в регионах-«крепостях» происходили значительные нарушения российской имперской практики. И тут народные массы переставали быть носителями имперской идеи. Активная колонизация Средней Азии в конце XIX – начале XX веков не вела к ее интеграции в общеимперское пространство. Анализ показывает, что интенсивность и прочность народной колонизации зависела не от внешних трудностей и даже не от степени напряженности отношений с местным населением края, не от экстраординарности характера управления краем, а исключительно от внутренней комфортности способа освоения той или иной территории, возможности реализовывать присущие народу алгоритмы интериоризации территории. Искажение или ослабление центрального принципа империи не всегда влияло на интенсивность переселенческого потока, но делало колонизацию регионов-«крепостей» менее прочной, поскольку местное население не включалось в общегосударственную целостность, оно оставалось как бы внешним для империи элементом. Территории-«крепости» были как бы особые, живущие внешне по обычным, но, по существу, по иным законам, чем другие окраины империи. Поэтому *должно* изучать особо каждый случай «имперской ситуации» – не может быть выводов, относящихся к русской колонизации вообще.

Внешние обстоятельства колонизации представлялись относительно малозначимым фактором. Но колонизация всегда сложный процесс, имеющий свои закономерности со сбойми под влиянием определенных факторов, которые могут и должны быть выделены и описаны. История народной колонизации, исследованная по методике «имперской ситуации», с анализом каждого особенного случая, больше дает для понимания современности, чем «классические» описания межэтнических конфликтов столетней давности, которые невозможно правильно описывать, не используя разные подходы для национального или имперского строительства. Поэтому анализируя историю народной колонизации в

Российской империи возможно правильно понять, насколько эти конфликты были в свое время внутренне преодолены (и как), а насколько – только приглушены и внешне затушены.

***

Чтобы полнее понять свою имперскую историю, весьма полезно ее сравнить с историей империи Британской. Культурологический анализ истории Британской империи позволил выявить ряд интересных особенностей и принципиальные отличия.

До последней трети XVIII века она была в основном мирной. Англичане занимали тогда малонаселенные места планеты, дух миссионерства вовсе не наблюдался, с туземцами контактировали минимально, они их как бы игнорировали. Особенность государственной организации Англии состояла в том, что помимо английского государства, были еще английские добровольные общества в форме религиозных конгрегаций или торговых компаний. Английское правительство в колонизации не участвовало – это было частным делом добровольных обществ, Ост-Индской и Вест-Индской кампании. Английские переселенцы не желали переносить с собой Англию – тоже своеобразное бегство от государства – и проявили яркие способности к колонизации. Английские колонии вплоть до последней трети XIX века не воспринимались англичанами метрополии как особо значимая ценность. Колонисты покорили и заселили полсвета как бы нехотя, не отдавая себе в том отчета, и это – еще одна отличительная черта английской колонизации. Английская эмиграция изначально имела глубоко религиозные причины. Это не было просто бегством от государства. Англичане-колонисты рвали все связи со Старым Светом: пуританин и колонист переселялся далеко, образуя зияющую пропасть между «пустотой отвергнутой страны» и «пустотой надежды» в Новом Свете. Параллельно возникали и торговые фактории, учреждающие свои станции во всех уголках земного шара. На протяжении XIX века из этих торговых станций и портов выросла Британская империя.

Англичане с трудом интериоризировали уже обжитые земли. На Индостане имелись нагорья, по климату, растительности и относительной редкости местного населения вполне пригодные для колонизации, но англичане не торопились туда. Более, всячески привлекаемые в благоприятные области в Гималаях, такие как Гарваль, британцы его заселяли плохо, и жили там в поселках чиновники лесного ведомства, приближаться к которым местным жителям было строжайше запрещено. Британцы создавали себе в своих владениях узкие мирки, в которые не допускались никакие туземцы и которые воспроизводили-таки английское общество в миниатюре. Любая новая территория, где селится англичанин, в его восприятии – «чистая доска» (*tabula rasa*), на которой он творит свой собственный мир по своему вкусу, игнорируя местные уложения и туземцев. Внешне это восприятие может напоминать «дикое поле» русских, но имеется одно очень существенное различие: если русские интериоризируют конфликт, англичане его экстериоризируют. (У них, например, из «политики изоляции» постепенно развивалась «концепция резерваций» для индейцев Америки.) И подобные сложные психологические комплексы не помешали англичанам создать империю над которой не заходило солнце. «Империю – это торговля», – говорил Дж. Чемберлен. И действительно, Британская империя является «коммерческой комбинацией, деловым синдикатом».

При наличии всех психологических трудностей британской колонизации, невозможно представить, чтобы Британская империя имела лишь утилитарные основания. Имперские доминанты получали в сознании англичан достаточно причудливое выражение. Следует ожидать, что и их религиозные основания имеют сложную форму. Этимологический, семантический и исторический анализ английских слов, обозначающих такие понятия как «страна», «сообщество», «империя» и «нация» показали интересную трансформацию их, которые немало повлияли на ход колонизации и формирование колониальной политики Великобритании, приведшей к Новому империализму к концу XIX века. Англиканская церковь проповедовала религиозное превосходство, затем трансформировавшееся в превосходство имперское («лучшая в мире система управления народами») и национальное (превосходство «белого человека»). Англиканский протестантизм был возможен в Англии, только если она была империей. А она была империей, только если она была нацией. Отсюда и мечта английского духовенства о Новом Свете, об обширной Протестантской империи. Так что Британская империя имела религиозную подоплеку, вполне сравнимую по своей интенсивности с Российской империей. **Центральная идея, лежащая в основании любой империи, всегда имеет религиозное происхождение.** С течением времени это основание забывается, а те следствия, которые из него вытекают, воспринимаются как самостоятельные феномены. Необходимо суметь понять, в какие комплексы могут вылиться изначальные религиозно-ценностные основания, распознать их в исторической действительности иного времени и учитывать, какое влияние данные комплексы оказывают на действие народа в последующие

эпохи, как интерпретируются теми или иными внутриэтническими группами, каким образом влияют на внутриэтническое взаимодействие.

Английский протестантизм был тесно переплетен с понятием «нация», «национальная церковь». Британская империя несла с собой идею самоуправляющейся нации. Религиозный комплекс англичан с отречением от Рима при идее самоуправляющейся нации затруднял проповедь протестантизма в его английском варианте, да еще и английские купцы, националисты и меркантилисты, проявляли поразительную осведомленность в вопросах теологии. Пока в XIX веке не появились идеи, позволяющие распространять понятие национальной церкви на другие народы. Невозможная смесь религии, расизма, социальной эволюции скомпоновала убежденность, что англо-саксонская раса имеет наилучшие шансы в эволюции к Божественной цели и Британская империя является «величайшим мировым агентством добра, которое когда-либо видел свет»! Идеология «бремени белого человека» фактически примиряла различные составляющие английского «имперского комплекса»: национальное превосходство, самоотверженное служение религиозной идее, насаждение по всему миру «искусства свободного самоуправления» и романтика покорения мира. К началу XX века доминирующим принципом Британской имперской практики становится протекторатное правление. Это было серьезной модификацией английской картины мира. Основным субъектом действия в английской модели колонизации является некое «общество», «сообщество» (все равно, религиозное или торговое). Поскольку в британской идеологии империи понятия «сообщество» и «империя» синонимичны, то – в данном контексте – сами эти сообщества превращались в мини-империи. И каждое из сообществ тем или иным образом проигрывало внутри себя альтернативу «сообщество – империя». Оно отталкивалось от идеологии «сообщество», и далее «привилегированное (аристократическое) сообщество», «сообщество белых людей», переходило к понятию «империя аристократов». Между этими «мини-империями» и «центром», именовавшим себя Британской империей, наличествовало постоянное непреодолимое противоречие: «центр» стремился привести свои колонии («мини-империи») к «единому знаменателю», а колонии, самодостаточные по своему внутреннему ощущению противились унификации, восставали против центра, отделялись от метрополии юридически (например, США). Состав британских владений есть, скорее, агрегат многих политических тел, нежели одна неразрывная целостность.

Процесс британского имперского строительства во многом отличен от российского. В России невозможно было представить себе даже самую мысль о восстании населения какой-либо окраины против центра. (Если такое случалось, то центр подавлял бунт, и все возвращалось так или иначе к унификации.) Русская колонизация вела к расширению российской государственной территории: русская колония, образуясь вне пределов российской территории, стимулировала подвижки границы. У англичан колония, изначально находясь под британской юрисдикцией, стремилась выйти из нее. Но этот путь вел к созданию своеобразной «мета-империи», объединенной не столько юридически, сколько посредством языкового и ценностного единства. (Сегодня мы имеем британское Содружество наций – бывших колоний Великобритании).

***

Весь XIX век прошел под знаком англо-русского соперничества на Востоке. Острота соперничества нередко доходила до крайности, когда и русские, и англичане считали, что на карту поставлено само существование государства. Казалось бы, ничего более несовместимого представить невозможно, чем колониальная политика этих двух империй. Столь различны были эти две империи – Российская и Британская – не только по истории своей, но и по духу, по смыслу своему, по реальности, которую они создавали в своих пределах, что трудно представить себе задачу, которую им бы пришлось решать в сходном направлении и испытывать одни и те же трудности. И соперничество приближалось к той черте, когда приходилось выбирать либо стать открытыми врагами, либо друзьями-партнерами. В начале XX века сходства между Российской Средней Азией и Британской Индией было гораздо больше, чем то представляется на поверхностный взгляд, в частности в том, что кажется наименее вероятным – в формах имперского управления. Британская Индия представляла собой почти особое государство, Индийскую империю в Британской империи, где большинство дел не только внутренней, но и внешней политики находилось в ведении генерал-губернатора Индии. Туркестан представлял собой тоже достаточно автономное образование, находясь под почти неограниченным управлением туркестанского генерал-губернатора, которого Государь Император почел за благо снабдить политическими полномочиями на ведение переговоров и заключение трактатов со всеми ханами и независимыми владетелями Средней Азии, не говоря уже о решении внутренних проблем края. Это при том,

что на других окраинах империи система местного самоуправления и социальная структура унифицировались по общероссийскому образцу. С экономической стороны колонизации аргументы англичан и русских тоже схожи: ни Англия, ни Россия не имели дохода с этих подмандатных территорий. Русские живут на новозавоеванных территориях Средней Азии стараются всячески понравиться местным, хотя и пребывают под мощной защитой правительства, и в случаях же неповиновения туземцев следуют жесткие карательные операции. Так что русские тут, вольно или невольно, оказывались привилегированным классом, к которому туземцы относились с опаской и контактов избегали. Точно также англичане в Индии, высокого ли, низкого происхождения, были высшим классом. Все англичане в Индии чувствовали себя аристократами, «сахибами». Но англичане не просто пренебрежительного, а прямо вызывающе по-хамски относились к индийцам, полностью игнорировали их чувства, они не терпят рядом туземцев. Дух героического «нового империализма» зарождался в Британской Индии, тут складывалась та идеология, которую Киплинг выразил в своем знаменитом «бремени белого человека»,

Русские хотели ассимилировать жителей Средней Азии, однако удалось это слабо, англичане не хотели ассимилировать индийцев, но это до какой-то степени происходило само собой. Парадоксально, но в этих двух частях двух империй (в Средней Азии и Индии) не удавалось именно то, к чему более всего стремились колонизаторы, и, напротив, как-то само собой получалось то, к чему особого интереса они не проявляли. Много неожиданных несоответствий, казалось бы, естественным для этих империй проявлениям обнаруживаются в колониальной политике на этих соседствующих территориях. Странно и не объяснимо для православной по главному своему признаку Российской империи, например, было совсем отказываться от проповеди. Более того, русские не только не допускали проповеди Слова мусульманам, но даже отвергали все просьбы и не поощряли туземцев, которые хлопотали о принятии их в Православие. У англичан иначе. Идея о всеобъемлющей христианской империи никогда не пускала глубоких корней на Британских островах. Изначально она была чисто коммерческим предприятием, обретшим идею нового империализма только к концу XIX века. Но вот в конце XIX столетия королева Виктория произносит красивую фразу: «Империя без религии – дом, построенный на песке». И христианство становится как бы официальной религией *Rex Britannica*. В итоге, уже в начале XX века в Индии насчитывалось более 300 тыс. индийцев-христиан. Не много, конечно, для Индостана, но в сравнении с тем, что среди российских среднеазиатских подданных христианами становились лишь единицы, и это представляется значительным. Снова получается не то, что империя намеревается, обязана делать. В Индии имелось в виду одно, а совершалось совершенно другое. Поначалу мирная колонизация стала воинственной, и с середины XVIII века Англия ведет почти непрерывные войны на Востоке. Запускается порочная цепочка событий. Тема рока доминирует и в русской политической мысли о завоевании Средней Азии. Русские вынуждены захватывать все больше и дальше, чего даже и не думали никогда захватывать. При этом в русском обществе интерес к Средней Азии отсутствовал точно так же, как в Англии интерес к Индии. Становилось все яснее, что где-то и когда-то русские, сбившись с пути, отошли от него далеко в сторону и потеряли даже направление, по которому должны были следовать к указанной Провидением цели. А чрезмерная доброжелательность и терпимость к иной вере привела к падению влияния православия и на православных русских.

Для России, равно и для Британии, не имперский народ создавал «свой» мир, который представлялся ему «должным», не он реализовывал себя в мире, а обстоятельства подчиняли его себе. Отсюда проистекали общие трудности и общие проблемы. Империя создается через экспансию, прежде всего, культурную, подчинение огромной территории единому цивилизованному порядку и принципу, доминирующему в культуре имперского народа. Что более всего отличает Британскую империю от Римской, относится не к христианству, реформам или демократии. Британский империализм основывался на национальной исключительности более, нежели на законе. И англичанином нельзя было стать, им можно было только родиться, и потому индийцы, стремившиеся подражать англичанам, вызывали тем большее презрение. Но была ли империей (в классическом смысле) Российская Империя с ее Средней Азией? Было замечено, что разница между русскими и англичанами в том и состоит, что русские приходят как враги, а поступают как друзья, а англичане приходят как друзья, а поступают как враги. Отсутствие принуждения играло свою положительную роль. До поры до времени между действием (колонизацией) и его смыслом (расширение границ Православного царства) не возникало разрыва. Однако в конце XIX века акцент в словосочетании Православное царство все более переносится на слово царство, а тем самым размывается идеальная мифологема империи. В Средней Азии, в этих новых «забранных» местах, совсем нет русского монаха, русского священника. И это происходило отнюдь не по недосмотру нерадивых губернаторов, а напротив, отвечало вполне сознательной их политике. В Туркестане религиозная составляющая русского имперского комплекса все меньше влияет на практическую политику. Для образования инородцев, разработанная востоковедом и педагогом Н.И. Ильминским система, христианскую мораль, как бы в снятом виде, сводила к

вполне заурядному гуманизму, характерному для русской просвещенной публики XIX века. Произошла подмена принципа, место Православия занял гуманизм – учение, на основании которого строился национализм европейских народов. Да и русский национализм выражался еще не прямо, не через сознание своего превосходства, он встраивался в рамки исконно русского этатизма, из которого таким образом вымывалось религиозное содержание. Народная же колонизация Средней Азии шла своим чередом, по обычному для русских алгоритму.

Сказывалась и почти непосредственная близость Британской империи, что влияло на русскую туземную политику. Обе империи наблюдали за действиями друг друга, анализируя нововведения в политике соседей. Все, что казалось разумным, перенималось, иногда даже бессознательно. В Туркестан проникла идея подчеркнутого уважения туземных национальных и религиозных проявлений, но в случаях недоразумений допускались и самые крутые карательные меры – аналог политики канонерок. Население новоприобретенных мест уже было не вполне «свое» и постепенно приближалось по своему статусу к населению колоний. Жесткое государственное покровительство русским, поселившимся в новозавоеванном крае, как и в Закавказье, не имело большого успеха. Государственная защита казалась мерой разумной, но она значительно снижала глубину интеграции и интериоризации нового «забранного» края. Отношения с местным населением в Средней Азии упрощались и становились более одномерными, с ними не мог уже возникнуть сложный **функциональный внутренний конфликт**, как, например, конфликт русских с армянами в Закавказье, что нивелировало имперскую унификацию и гомогенность пространства.

Влияние Российской империи на Британскую (в Индостане) выражалось в том, что англичане улавливали и произвольно заимствовали отношение к своим тут владениям, как к единой стране, стране континентальной, то есть внутренне связанную и целостную, все более изолированную от метрополии, далеко в Туманном Альбионе. Индостан превратился в Индийскую империю, номинально в составе Британской, фактически довольно самостоятельной и своеобразной. Взаимодействие имперских доминант становилось тем более легким, чем меньше в русских имперских доминантах в Средней Азии оставалось собственно русских, чем более испарялась религиозная составляющая в русском имперском комплексе тут, и тем легче могли быть усвоены русскими английские модели. Динамика народной колонизации оставалась, однако, своей по обе стороны линии соприкосновения. У англичан не было, как у русских, устремленности на новые места. «Бегство от государства» тут носило принципиально иной характер. Вопреки всем доводам рассудка англичане создавали невидимые барьеры между собой и местным населением, которые, в конечном счете, определяли их непродуктивные действия. В Средней Азии Россия столкнулась в иной для себя «имперской ситуацией», с которой российская администрация в крае откровенно не справлялась. Русским навязывался несвойственный им стиль поведения на «захваченных» землях. Единый гражданский принцип империи осуществлялся не через слияние и ассимиляцию, а посредством введения совсем неуместного и не ко времени «интернационального воспитания» туземного населения и самих русских крестьян-колонистов. Стал выкристаллизовываться русский национализм, рядящийся в одежды чистого этатизма (государство ради государства). Он еще не заменял собой имперский принцип (подобно тому, как это было у англичан), не мог еще быть назван доминантой действия русских в Средней Азии. Но он уже начинал себя проявлять, и его уже приходилось сдерживать искусственно. В сущности, англичане были заняты сами собой, и туземцы интересовали их лишь в той мере, в какой они вообще попадались им на глаза. В Индии сформировалась Вторая (Индийская) империя – для Британской империи переходный период – и у англичан шел бурный внутренний процесс кристаллизации национальной идеологии, ставшей доминирующей в период Третьей (Африканской) империи. Для описания собственно имперских (а не империалистических) установок англичан в Индии следует обратить свой взор назад и более пристально проанализировать, какие из доминант эпохи Первой (колониально-меркантильной) империи сохранились в каком-либо виде в Индии.

Центральный принцип империи может быть представлен как **ценностная доминанта**, независимая от психологии народа, ее воплощающего. Так идея Российской империи и империи Византийской была единой, но русская имперская психология и византийская имперская психология были различны. Под имперской психологией понимается самовосприятие имперского народа и принятый им образ действия, включая основные принципы колониальной и туземной политики. В каждом конкретном случае «имперской ситуации» воплощение принципов колониальной и туземной политики чревато для имперского народа серьезными внутренними конфликтами, и эти конфликты в значительной мере оказываются компенсированными, благодаря определенной коррекции самих подходов через **адаптацию центрального принципа империи к конкретной ситуации**, увязывание идеальных принципов с возможной в данный момент практикой. Имперские доминанты нацелены на то, чтобы империя оставалась единой страной, а не

конгломератом зависимых территорий. Народная колонизация осуществляется по типичным для нее алгоритмам, она в значительной мере детерминирована этнопсихологическими характеристиками народа, присущим народу образом действия по освоению территории. Имперская же политика так же пестра и разнообразна, как пестро и разнообразно население империи. Но цель всегда ясна – исключение политического сепаратизма и установление государственного единства на всем пространстве империи. Гомогенность территории империи достигалась тысячами разных способов, и в каждом случае это было не правило, а исключение. Эти выводы помогают подступиться к исследованию реальных имперских доминант на конкретной территории, правильно понимать ход колонизации и исследовать реальные имперские доминанты на конкретной территории в определенный период времени.

***

Сегодня уже общепринято, что СССР стал своеобразным преемником Российской империи, образовав Советскую империю. Вот на этом феномене автор продолжает свое культурологическое исследование. И такой подход дает новый срез советской эпохи, которая несет на себе свои признаки имперскости. В отличие от Российской империи, где существовали только очень общие принципы «туземной политики», при Советской власти попытались осуществить единый национальный проект, названный «дружбой народов». Официальная «дружба народов» исходила из идеологии интернационализма. Исторически это был первый проект для многонациональной общности (американцы тогда еще не задумывались над этой темой, а европейские народы – оставались в рамках национальных парадигм). В Российской империи подданство не определялось национальностью, и национальные проблемы возникали при отступлении от главного принципа империи. Советская же страна опиралась на иную парадигму, требующую модели отношений между народами, иные из которых предстояло еще доформировать, равно как и создать образ «советского человека», носителя интернационализма. Сложность двуединой и противоречивой политики и идеологии коммунистов порождала повышенное внимание к межнациональным отношениям и культ «дружбы народов». «Дружба народов» и «советский человек» существовали в виде абстракции. На практике это была сложная культурная система, отразившая самопредставления русских и других народов, но самое главное – отразившая представление других народов о русских. Была построена система функционального взаимодействия на игре интерпретаций и реинтерпретаций, неким образом почерпнутого и усвоенного содержания национального и интернационального дискурса. Замечательно показан культурно-политический проект «дружба народов» в его низовой форме, значительно помогавший советским народам переживать ограничения советского тоталитаризма. Еще более примечательно дана иллюстрация того, как видели общество «дружбы народов» представители нерусских диаспор в русских городах, как они понимали свою роль, как определяли роль русских (что может показаться странным даже самим русским). Все это помогает сделать порой неожиданные и небезыңтересные выводы о причинах крушения казавшейся прочной системы межнациональных отношений. Эти наблюдения не утратили своей актуальности и сегодня, спустя 10-15 лет, когда были автором проведены соответствующие социологические опросы среди граждан России.

Этничность поддерживалась внутри народов Союза, чтобы сохранить подобия наций, чтобы было из чего строить пролетарский интернационализм – контур собственной этничности сохранялся, ведь он был основой пролетарского интернационализма. А советское уже общество определялось как безнациональное. Это означает не столько то, что не было конфликтов, а то, что они не выражались эксплицитно. Если межнациональные отношения, как полагали, выстроены правильно, то и конфликтов как бы нет. Этничность сохранялась, но благодаря каким-то механизмам все вместе и каждый по отдельности находили общий язык. И это вряд ли возможно навязать сверху. Советское общество было обществом бесконечных взаимных компромиссов, которых так много, что они превращаются в сам смысл общественной жизни, оттачивающей их до уровня искусства. Это общество отношений, общество общения на компромиссах. К искусству компромисса и сублимирования конфликтности добавлялся культ общения и культ «хорошего человека», все старались быть тактичными. «Через голову» национальных отношений должно проявлять себя с особым «политесом», а это значит быть мягким, тактичным, с пониманием другого, порой, и очень непривычного, уметь в различной оболочке видеть добрые качества людей и апеллировать к ним. Вот так и включались в сценарий «дружбы народов – но уже свой, выпестованный самими народами, – «снизу». Он чудным образом до поры до времени вполне гармонировал с программой коммунистического руководства. Это была игра компромиссов, которая, по сути дела, вовсе не обязательно вытесняла национальность, она шла поверх нее и заполняла определенные лакуны моделей общения, не заполненные в национальных моделях. Это была низовая культурная игра, а власти в этой игре совершали только какие-то ритуальные действия:

организовывали государственные праздники, парады, олимпиады, дни национальных культур. **Сценарий «дружба народов» вовсе не обязательно отменял «национальные сценарии», скорее он их несколько трансформировал.**

Если «дружба народов» – это сценарий, то есть модель взаимодействия, то «советский человек» – это функция, предикат и смыслополагающая идеологема одновременно. Тот, кто участвует в сценарии «дружба народов», и есть «советский человек». Это понятие, как и «дружба народов», – внеидеологично. Советский человек не ассоциировался ни с коммунистическим строем, ни с тоталитарным режимом. Напротив, он существует *как бы вопреки* им. (Об этом мы, увы, забыли или так и не поняли.) Была коллективно разыгрываемая жизненная драма, где «советский человек» – роль. Образ «советского человека» ассимилируется сценарием «дружба народов» и придает последнему внутренний смысл, делает всю «игру» не замкнутой в себе – игры ради игры только, – а идеально значимой, разворачивающейся во множестве национальных сценариев. «Советский человек» – это самостоятельная роль в культурной теме, проистекающей из темы «дружбы народов» и придающая ей идеальное значение. «Советский человек» – это смыслообразующая идеологема «творчества масс», обездоленных, лишенных всякой внутренней и внешней опоры, обкраденных, униженных людей, которые хотели не только выжить, но встать «впереди планеты всей», запустить первый спутник, стать самыми сильными. У Ф. Достоевского есть мысль, что люди и в безбожном обществе будут очень любить друг друга. «Дружба народов» – отголосок такой любви. Возможно, это суррогат, но он все более и более обретал черты реальной жизни. (Ведь столько человечности накопилось в тех отношениях, если они, как светлая сказка, не могут испариться из памяти и до сего дня. Просто сама эта человечность должна была найти свое место и свой внутренний стержень. Не смогла или не успела?..)

Весь каркас советской культуры держался на специфическом преломлении русской культуры. Для части народов русская высокая культура заполнила отсутствующий или слишком тонкий пласт собственной высокой культуры. Систему «дружбы народов» можно представить себе как одну из форм выражения русского имперского комплекса, в том числе, в его природно-низовом выражении. И задача русских в культурном сценарии «дружба народов» – центральная, как у Деда Мороза на Новогодней елке. Она, вроде, как самая простая – поскольку именно культура русских, их модели и стереотипы лежат в основании. Но она и самая комплексная, очень нелегкая – поддерживать все многосложное строение поликультурного общества, направлять и удерживать в русле все действия других, для которых русские как «добрый папа» на все случаи жизни. От русских вообще ничего особенного не требовали, разве что оставаться самими собой. Но русские так свою роль не понимали. Русским же полагалось обозначать смысл, соединяя два сценария – «дружба народов» и «впереди планеты всей». Второй сценарий требовал от русского человека предиката государственности. В советском государстве он не имел религиозной составляющей. А без Божественной предназначенности такая государственность устремляется к превосходству как таковому. И на более высоком уровне смысл конструкции в таком сценарии для русских оказывается потерянным. Ведь центральный принцип империи русских был всегда «С нами Бог, разумеете языки и покоряйтесь, яко с нами Бог». Имперское действие не может быть сугубо прагматичным. Для русского человека такое некомфортно. У русских очень сильно государственное сознание с Богом. Вот и получилось, что русские жили *в государстве*, а нерусские – *в стране*. А это не одно и то же. Страна – это сообщество людей, и, да, здесь важны межчеловеческие отношения. Государство – это идея мироустройства, за которую можно сложить голову. У русских большевики окончательно отняли их высшую ценность – Бога. И русские так и не полюбили себя в предикате несущих идеи советизма и, в отличие от нерусских, не смогли себя от нее абстрагировать в «советском человеке».

Сценарий межкультурных (межэтнических) отношений является составной частью *обобщенного культурного сценария* того или иного общества². В более или менее развитом виде, общий культурный сценарий у доминирующего народа взаимосвязан с культурными сценариями народов, находящихся с первым в тесном взаимодействии. Если связи в таких сценариях оказываются нарушенными, культурная система, не допускающая лакун, стремится к регенерации. Система отношений народов Российской империи после Октябрьского переворота заменяется на характерный для советского времени сценарий «дружбы народов». Он оказался для советского социума приемлемым (навязанным), поскольку соотносился как с системой культурных констант доминирующего народа, так и системой культурных констант полиэтнического общества как целого, пусть даже в различных этнических культурах они неизбежно преломляются по-своему.

---

² Лурье С.В. Обобщенный культурный сценарий и функционирование социокультурных систем // Социология и социальная антропология. 2010. № 2.

Но идеологема советского государства не смогла предложить русскому народу нечто равное по значимости центральному принципу Российской империи. Русский народ утратил главный смысл государственности, возвращенный в нем веками формирования русского государства как империя.

***

Русские пережили в своей истории немало драматических перемен. Выделить «содержательные» признаки «русскости» очень сложно, поскольку, прекрасно работая на одном историческом этапе, для одной картины мира, они дают сбой на другом. Остается искать те самые неизменные элементы, которые сохраняют целостность русской картины мира в любой ее конфигурации. Автор хорошо справляется с этой задачей, прибегая опять к своей культурологической концепции, которая тезисно изложена в очередной главе этой книги, а подробно – в ранее изданной монографии, ставшей учебником и переизданной не раз³.

Эти неизменные элементы, можно назвать системой *этнических констант*, а формируемую ими динамическую схему – *обобщенным культурным сценарием*. Этот обобщенный сценарий, влияет на формирование всех сценариев разных уровней, существующих в данной культуре, задавая определенный алгоритм действия во множестве ситуаций. Однако константы могут быть описаны только как система формальных образов. Прежде всего – это «*образ себя*», или «*образ мы*», то есть определенное представление субъекта действия о себе, своих возможностях, своих сильных и слабых сторонах, своих намерениях. С «*образом себя*» в этнической картине мира почти всегда связывается «*образ добра*» – того блага, которое тот или иной народ приносит себе и миру. Ему противостоит «*образ источника зла*» – того препятствия или проблемы, которую необходимо устранить, чтобы установить желаемое положение вещей. Далее описываются образы «*поля действия*», «*способа действия*», «*условия действия*», «*образ покровителя*». Этнические константы проявляются в этническом самосознании исключительно в форме «*трансферов*» – переносов на те или иные реальные объекты и ситуации всех этих образов. Проявления этнических констант легче обнаружить в области внешней политики, потому что во внешнеполитической области проще нащупывается действие народа как целого, и на границах соприкосновения с другими народами его отличительные черты выявляются более отчетливо, в то время как самонаблюдение внутренних процессов на столь глубинном уровне значительно сложнее.

Русский «*образ себя*» (мы-образ) существует как бы в трех ипостасях, но всегда связан с образом себя как *носителя добра*. Эти три ипостаси можно представить следующим образом:

- *хранители и возделыватели добра* – крестьянская община, создатели «великих строек» и творцы космических ракет и т.д.;
- *миссионеры и просветители*, готовые всегда нести «свет миру», в чем бы он ни заключался;
- *воины, защитники добра, борцы со «злодеями» и покровители народов, которым зло угрожает.*

Русских невозможно обидеть сильнее, нежели пренебречь их покровительством и невозможно дискредитировать в русских глазах идею сильнее, чем если представить ее плодом неморального расчета. Обратная сторона «*образа мы*» – это «*негативный образ мы*». У русских, похоже, активация негативного образа ведет к полному самоотрицанию, порой к отказу себе в праве на существование как народу, к «нигилизму». *Поле действия* у русских – это пространство без границ и препятствий. Какое именно пространство представляется «*потенциально русским*» определяет доминирующая в данный момент *культурная тема*. Это пространство, в принципе может охватывать и весь мир (как и было в советское время). Соответственно, *условием действия* является *защита себя* и всех своих многочисленных подопечных – *покровительство*. Любая война истолковывается как оборонительная, любое внешнеполитическое действие является «*вынужденной самозащитой*», любое действие на чужеземной территории – «*освобождением*» или «*помощью*». Идея «*интернационального долга*» намного старше позднесоветской доктрины. Вспомним русско-турецкую войну 1877-78 годов, толковавшуюся «образованным обществом», как помощь «*братьям славянам*», а простым народом – как заступление за «*грека*» (то есть за православных вообще, а не славян только) от «*бунтующего*» против него турка.

Система этнических констант – это чаще всего невидимая основа «*национального поведения*». Чтобы как-то описать ее словами, приходится прибегать к языку метафор, и говорить о константах не столько в их исходном виде, сколько в виде, проявленном при трансфере, то есть описать результат переноса

---

³ Лурье С.В. Историческая этнология. М.: Академический проект, 2005.

бессознательных установок на те или иные конкретные обстоятельства. (Трансфер, выражаясь образно, позволяет в пьесе узреть жанр.) Направление и характер трансфера этнических констант, сюжет этнической истории, зависит от *центральной культурной темы* этноса. Разнообразные трансферы представляют обыгрывание в многообразных во внутриэтнических вариациях ключевых символов и смыслообразов культуры, составляющих ее *центральную зону*. При помощи символов центральной зоны культуры этнос осуществляет как бы свою *самосакрализацию*, формирует свою идею, как священную идею, как свой культурный комплекс. Обретя один раз некую «каноническую» форму, центральная культурная тема впоследствии существует как череда модификаций, ревизий или реставраций этой формы.

С этим связано особое место у русских культурного комплекса, который можно условно назвать «*комплексом Третьего Рима*». В этом комплексе дана каноническая фиксация русской центральной культурной темы, как темы *особого предназначения русских в эсхатологической, связанной с концом истории, перспективе*. Ключевой для русской истории функциональный конфликт разворачивается не между конкурирующими идеологическими группами, а между *народом и государством*, и основан он на разном понимании «*способа действия*», то есть службы мессианскому идеалу. (До XX века, в течение столетий, это был конфликт между *русским государством и русской крестьянской общиной*.) Каждая из вовлеченных в функциональный конфликт групп выстраивает на основе констант и культурной темы свою *картину мира*. (Так, крестьяне мыслили всю «Русскую Землю» как **федерацию** самоуправляющихся крестьянских мировъ.) Все, что есть хорошего в остальных группах, понимается по аналогии (например, крестьяне представляли себе царя таким же землепашцем), а все остальное воспринимается как безобразие (отступничество и «ересь») – откуда, собственно, и конфликтность. Для устойчивости этнической системы необходима фигура, которая в ходе конфликта всеми или почти всеми записывается в «свои», фигура, которой приписывается *суверенитет* над этнической системой и которой самой по себе приписывается исключительно высокая ценность. (Для дореволюционной России это была фигура царя.) Чем более абстрактен образ «суверена», тем он менее «энергетичен», харизматичен. Чрезмерное абстрагирование приводит к усилению *смуты*, порождаемой чрезмерным и нерегулируемым функциональным конфликтом, приводящим к *дисфункции* внутриэтнического конфликта, при которых связь между «верхним» этажом центральной темы и «нижними» этажами традиционного сознания утрачивается. Традиционные поведенческие нормы теряют свой идеальный смысл, становятся «ни для чего», поддерживаются лишь по привычке. На поверхность выходит *квази-традиционное сознание*, обыгрывающее лишенное прочного идеального обоснования идеологическими лозунгами. Подобная дисфункция, вызванная обесмысливанием традиционных норм и утратой реальной почвы для функционального внутриэтнического конфликта, характерна для периодов внутриэтнической смуты. И вот Россия погрузилась в состояние смуты с 1905 года, когда обнажилась утрата крестьянством традиционных религиозных ориентиров для традиционного сознания, благостный образ царя был развенчан. Торжество в 1917 квази-личностных лозунгов, дало российскому обществу некое подобие новой интерпретации «мессианской» центральной культурной темы в новом ключе, и во имя этой темы традиционное мировоззрение было безжалостно раздавлено в ходе коллективизации и сопровождавшей ее урбанизации. Система жизненных миров старого русского общества была разрушена...

К 1960 – 1970 годам оформилась новая система отношений в городах, имевшая все возможности перехода от квази-традиционного, к традиционному типу. Сформировался идеальный образ «хорошего советского человека», легший в основу культуры этих лет, до сих пор вызывающей у значительной части общества ностальгию по «старым песням о главном». Однако идеальные основания этой новой «традиционной культуры» были крайне слабы – они не были уже связаны с коммунистической идеологией, последняя сильно обесценилась и мало кто уже верил в коммунистическую будущность. Великая Отечественная война предопределила было более высокий культурный образ позднесоветского человека, в таких существенных его чертах, как «*радикальный гуманизм*». Возродилось даже некоторое подобие функционального конфликта с государством, становившимся все менее идеологическим и все более формально бюрократическим. Однако «перестройка» безжалостно взорвала и разрушила это еще не окрепшее общество, распалось большинство его связей, ритуалов, дискредитированы были многие его символы. Разрушено было жизненное пространство Советского Союза, идеально соответствовавшее образу «дружащих народов» (а значит, и добрососедских людей). Русские как этническая система вступили в полосу мощнейшего кризиса идентичности, вплоть до беспрецедентной активизации «*негативного образа мы*».

Восстановление народа после кризиса в соответствии со своим внутренним «образом мы» возможно. Наиболее значительную роль тут играет способность народа к *самоструктурированию*. Для сохранения своей идентичности этнос должен по своим этническим константам воссоздать *совершенно новую картину мира*, не имеющую аналогов в прошлом и связанную с ним не столько посредством нитей обычной

традиционной преемственности, сколько вследствие неизменности самого *обобщенного культурного сценария*. Возможны два способа выхода из кризиса – *консервативный* и *креативный*. Это сопровождается соответствующими корректировками трансферов от всех этнических констант. Осуществляется общая балансировка картины мира. (С нулевых уже годов именно это и происходит в России в настоящее время. Русские вновь, казалось бы, обретают «образ мы», как граждане «мировой державы».) Эти процессы для подавляющего большинства членов этноса не осознаваемы. К такому решающему моменту русский этнос пока не подошел, неосознанными остаются идеальные основания функционирования России как мировой державы. Совершенно ясно, что для России новые сценарии межэтнических отношений должны быть релевантны обобщенному культурному сценарию русских и при этом давать материал удобный для реинтерпретации этническими культурами народов, проживающих в тесном контакте с русскими, способствуя упрочению общероссийского культурного сценария – ведь *любой сценарий держится на своеобразной игре интерпретаций и реинтерпретаций, имеющей общую мифологию*.

В завершение несколько выводов. Русские не обладают особыми ассимиляторскими способностями, когда они не находятся в контексте имперского строительства, но в роли строителей великой державы, они прирожденные ассимиляторы. Находясь в контексте империи как таковой они дружелюбны, но вне него русские способны проявлять и озлобленность к чужакам. В контексте империи народы России дружелюбны к русским, но по мере распада имперских способов коммуникации, они теряют адекватность, и не только по отношению к русским. Русским с народами страны жить или хорошо, дружно и весело, занимаясь общим созиданием, либо в состоянии напряженности и плохо скрываемой (а то и не скрываемой) враждебности. Если в перспективе развития России видится только «энергетическая держава», то никакие программы улучшения межнациональных отношений не сработают, поскольку при таком развитии обобщенный культурный сценарий становится все более выхолощенным сугубо прагматическими установками, которые не способствуют гибкости межнациональных отношений, и культурные сценарии внутрироссийских этносов все с большим трудом будут привязываться к обобщенному культурному сценарию России. Российская империя обходилась вообще без всяких программ, на одном энтузиазме и вере в свою звезду. Но слишком резко и сильно был вырван из исторического контекста **центральный принцип** той империи в начале XX столетия, и насажден новый мистический образ будущего нового «коммунистического общества», нового «советского человека» и «дружбы народов» страны, что привело, правда, к генерации низового образа «дружбы народов» с его особенным политесом и почитания русских как главных носителей и организаторов этого «нового общества». Однако со временем и «новые русские» все более теряли смысл такого укрепления и наращивания сферы влияния государства СССР, поскольку утратили-таки для себя признаки имперскости в российском государстве. «Дружба народов», возможно и возродится сама по себе, о ней еще очень хорошо помнят, а межнациональные конфликты сегодня станут, как правило, опять функциональными, содействующими дальнейшему укреплению как в большой стране, так и в малых национальных новообразованиях.

***

В книге есть еще одна глава – 10-я, – посвященная восприятию современной молодежью межнациональных и международных отношений по результатам глубинного интервью, проведенного автором в Санкт-Петербурге в 2010 году среди 100 респондентов 19-ти – 21-тилетнего возраста. Автор передумала ее помещать в книгу, полагая материал уже устаревшим ко времени издания, но издательство главу оставило. Оно и к лучшему, наверное, поскольку фиксирует систему ценностей в межэтнических и межгосударственных отношениях у молодежи на тот период. Будущим исследователям будет промежуточная точка трансмиссии этих ценностей в будущее.

Совершенно явственно подтвердилось, что структурообразующее начало у русских оставалось весьма сильным. Многие продолжали ощущать себя **«выполняющими миссию»**. Иные даже убеждены, что Россия велика и величественна Богоданностью. Обобщая, автор выделяет следующие градации миссионерской сущности русских:

- государствообразующий народ в многонациональном государстве;
- народ, собирающий под свое покровительство другие народы;
- способны устанавливать особые, специфические отношения с другими народами;
- преисполнены жалостью и милостью к другим народам.

Нельзя утверждать, что наша молодежь в тех или иных формах нацелена на воссоздание империи, но определенные тенденции такого рода наблюдаются. И все зависит от того, как дальше пойдет развитие России: наберет ли она достаточно сил, чтобы стать действительной империей.

***

Сегодня мы видим, что последующие годы – после издания книги «IMPERIUM ...» 10 лет назад – определенности не прибавили. Россия развивается очень противоречиво и асоциально, хотя ВПК страны ускоренно воссоздается, и руководство страны пытается восстановить реноме «великой державы», что вызывает раздражение, ненависть вперемешку со страхом у Запада во главе с США. К сожалению, увеличивается и накал страстей внутри страны, растет разрыв между богатыми и бедными, централизация власти, без соразмерного понимания и согласия с этим общества, чревата новыми эксцессами в общественной жизни страны. Еще более укрепился Китай и по уровню ВВП вышел на первые места, разделяя первенство с США. Последние сами переживают нелегкие времена, превратившись в жертву окрепшего трансгуманизма. Пандемия коронавируса сильно все запутала и перетасовала карты в политике. Во взаимоотношениях с Россией Запад продолжает множить очаговые зоны напряженности по периметру России, стараясь порвать всякие культурные связи русских с народами зоны исторических интересов имперской России. Это особенно выпукло заметно в украинском кризисе, длящимся уже более восьми лет.

Россия безусловно восстанавливает свой вес на международной арене, свою экономику, несмотря на все противоречия и перепады. Однако неглубоко продуманная стратегия ее развития не позволяет однозначно увериться в каком направлении идет ее развитие: воссоздается ли Россия как империя с ее исторически сложившимся центральным признаком или вырождается в федеративное неустойчивое государство. (Напомним, что федеративные отношения в Римской империи поддерживались только с лимитрофными племенами или государственными образованиями.) Британская империя переродилась в Новую империю, где имперские принципы претерпели трансформацию в империалистические меркантильно-коммерческие, а при распаде колониальной системы после Второй Мировой войны, Британская империя преобразилась в Британское содружество наций. Европейские страны образовали Европейский союз. По всему миру образуются политэкономические и военные союзы, которые тоже можно рассматривать как имперские образования. Но все эти имперские образования насколько верно транслируют свои имперские принципы, созвучные Российским? Ясно одно, что Россия – это особенное государство, не имеющее себе аналогов в мире. И чтобы Россия оставалась Россией, она не должна слепо и бездумно пытаться адаптировать «общечеловеческий опыт» на своей почве, «культурный гумус» которой никак не может быть приравнен к западноевропейскому или китайскому. Россия – империя, образованная по Византийскому типу и по духу – ее преемница. Начиная с петровских имперских времен всякие европейские преобразования и попытки сближения с Европой не давали России ожидаемых результатов. Европа не признает Россию равной себе. России с этим придется смириться. И встает насущный вопрос: как смириться? Отстоять и восстановить вполне свою самобытность и мощь, или довольствоваться пребыванием сырьевым, энергетическим придатком «цивилизованного мира»? А то и вовсе претерпеть очередной распад, как бездумно был разрушен СССР...